

PHILOLOGY, LITERATURES AND LINGUISTICS

RESEARCH ARTICLES

PHILOLOGY, LITERATURES AND LINGUISTICS

Research articles

B&M Publishing
San Francisco, California, USA

B&M Publishing
Research and Publishing Center «Colloquium»

PHILOLOGY, LITERATURES AND LINGUISTICS

Science editor: R. Draut

Copyright © 2016
by Research and Publishing Center
«Colloquium»

ISBN-10:1-941655-42-4
ISBN-13:978-1-941655-42-9

DOI: http://doi.org/10.15350/L_27

All rights reserved.

Published by B&M Publishing.
San Francisco, California, USA

CONTENTS

The translation of the poetry by S. Kunitz <i>L. Mosiyevych</i>	4
"Day" and "Night" of F.I. Tyutchev's poetry: antinomies of poetic worldview <i>A. Valitov</i>	8
Integration of psychological and philosophical concepts M. Beksultanova in humanistic functions <i>R. Tataeva</i>	13
Comparison as means of evaluation in banner advertising <i>T. Krutko</i>	19
On the problem of literary translation in Karakalpak literary <i>T. Bainiazova</i>	24
Advantages of use of information technologies in the study of foreign language <i>M. Hurrarova</i>	29
Features of the foreign language teaching not language high school <i>M. Bozorova</i>	33
Competence approach study a foreign language in not language high school <i>N. Muradova</i>	38
Pragmatic aspect of translation genre of tuyuq <i>Z. Shukurova</i>	42
The symbolic-allegorical shapes in homilies Sulkhan Saba Orbeliani <i>M. Khandzhalashvili</i>	49
Household psychological principles in the works of Nodar Dumbadze <i>I. Ardzhevanidze</i>	54
The world of the future in Ray Bradbury's creativity <i>Sh. Vakhtangishvili</i>	60
Nitsshianistic Messianism with georgian symbolists <i>N. Kochloshvili, T. Lapauri</i>	65
For one kind of hypotactic construction in the Georgian language <i>E. Pilashvili</i>	72
Karabakh war reflected in literature <i>V. Ibrahimova</i>	77
The role of class staff in improvement of learning quality <i>A. Guliyev, G. Kazimova</i>	80
Implicit methods for expression of negation in modern Russian <i>F. Agakishiyeva</i>	84
The concept «friendship» and its reflection in the English, Russian and Uzbek proverbs <i>I. Rahimova</i>	88

THE TRANSLATION OF THE POETRY BY S. KUNITZ

*L. Mosiyevych*¹

DOI: http://doi.org/10.15350/L_27/01

Abstract

The article presents the translational analysis of Kunitz's poetry into Ukrainian which has been made on the basis of the Ukrainian translation by B. Boychuk. The article is aimed at highlighting the main features of his poems and its peculiarities in the Ukrainian language translation. The poetry by S. Kunitz abounds in stylistic syntax and the Americanisms which nearly coincide with the Ukrainian variant.

Keywords: americanisms, free verse, inversion, repetitions, stylistic syntax, translation.

Modern poetry in America is marked by a constant struggle with the paradoxes of living in, with and through words. One of the most outstanding poet in America is S. Kunitz. He is considered by many observers to be the most distinguished and accomplished contemporary poet in the United States. The study of his poetic works is rather topical within the linguistic dimension. The translation of poetry is generally held to be the most difficult, demanding, and possibly rewarding form of translation. Kunitz's style is marked by transparency and simplicity of expression. But the simplicity of his poems is treacherous. His language is sophisticated, complex, and not easily translatable. A translator faces some difficulties because Kunitz's poems are characterized by free verse and a number of Americanisms. The goal of the article is to examine the main peculiarities of Kunitz's poetry and its translation techniques. The comparative analysis is used within that paper.

Free verse is an open form of poetry. It does not use consistent meter patterns, rhyme or any other musical pattern. It thus tends to follow the rhythm of natural speech [Abbs, p.137]. Although

---

¹Larysa Mosiyevych, PhD, Associate Professor, Zaporozhye Classical Private University, Ukraine.

free verse requires no meter, rhyme, or other traditional poetic techniques, a poet can still use them to create some sense of structure.

Free verse is poetry in its necessary freedom of expression and research. And one of the consequences of this is that it is as such the only place where the contemporary poet can define and solve the problems he meets in his existential or cultural condition [Scott 2000, p. 45]. What the translator is attempting to do is not so much to translate a text, but to translate/transform the way a text lives, has its being, in the consciousness of a reader [Scott 2011, p. 75].

Stylistic syntax is the main feature of free verse [Scott 2002, p.211]. Kunitz's poems abound in repetition, anaphora, parallel constructions, inversion [Orr, p. 67]. The translator preserves those stylistic devices in the Ukrainian language, e.g. repetition:

<i>I lie stretched out on a leaf, Pale <u>green</u> on my bed of <u>green</u>, <u>Munching, munching</u> [Кюніц, р. 76].</i>	<i>Я лежу, простягнувшись, на листочку, Блідо-зелена на <u>зеленім</u> ложі, Й <u>жую, жую</u>.</i>
--	---

The rhetorical questions in the Ukrainian translation are also preserved:

<i><u>What makes the engine go?</u> Desire, desire, desire [Кюніц, р. 36].</i>	<i><u>Що є для них рушієм?</u> Бажання, бажання, бажання.</i>
--	---

Anaphora in source and target languages coincides:

<i><u>So I have shut the doors of my house,</u> <u>So I have trudged downstairs to my cell,</u> <u>So I am sitting in semi-dark Hunched over my desk...</u> [Кюніц, р. 86].</i>	<i><u>Тож я позачиняв двері свого дому,</u> <u>Тож зійшов униз до комірки,</u> <u>Тож сиджу в півтемряві згорблений над столиком.</u></i>
---	---

<i>Draggling my life behind me in a sack <u>Naked I</u> prow, scourged by the black [Кюніц, р. 96].</i>	<i>Я волочу в мішку життя марноване, Повзу <u>нагий</u> і чорною спокуюсою.</i>
---	---

The stylistic device, inversion, in the Ukrainian translation from above, is not quite relevant to its source variant, nevertheless, the strict rhythm in Ukrainian is preserved.

There are some examples of Americanisms in Kunitz's poetry. Americanism is a word or meaning that is common in U.S. English but is not common in the kinds of English spoken outside the U.S. [Merriam-Webster's Learner's Dictionary]. A translator should be on the alert and choose the American English equivalent:

<p>That single Model A sputtering up the grade unfurled a <u>highway</u> behind [Кюніц, р. 24].</p>	<p>Машина моделі А, що тарахкоче вгору, промощує за собою <u>ШЛЯХ</u>....</p>
---	---

The American word *highway* is translated into Ukrainian not by the American meaning “шоссе” but by a generalized word “шлях” (Eng. *Way*).

In the next example the word *purse* is translated by the American meaning “a woman's handbag”. But in the other poem we can see the translation of *purse* by the British meaning “a small bag for carrying money”:

<p>If I can gather strength enough I'll try to burrow under a stone And spin myself a <u>purse</u> [Кюніц, р. 78].</p>	<p>Якщо я зможу ще зібрати до- сить сил, спробую заритися під камень і виткати собі <u>горби-</u> <u>ну</u>....</p>
---	---

<p>More even than my <u>purse</u>, And that's no laughing matter, it is my pride That has been hurt [Кюніц, р. 94].</p>	<p>Значно більше, ніж мій <u>гама-</u> <u>нець</u>, моя гординя – це вже не до сміху!</p>
---	---

The shift from American to British meaning in translation in the second example is quite relevant because the author says pride is more valuable than money.

The translator used the correct Ukrainian correspondence for the following Americanism “baggage” but with a slight archaic shade (*обоз*, in English *cart*, that is a vehicle pulled by a horse):

Thanks to your lightfoot genius No Eighth Route Army kept its lines more fluid, Traveled with less <u>baggage</u> [Кю- ніц, р. 102].	Через твій прудконогий геній жодна Восьма Похідна Армія Не мала плинніших ліній, насту- пала з легшим <u>обозом</u> .
--	--

The translator chose the American meaning for the word “stoop” which means “a raised area outside the front door of a house” in comparison with the British meaning “a way of standing or walking with your head and shoulders bent forwards and downwards”:

I am not ready yet and nobody stands on <u>the stoop</u> .... [Кюніц, р. 122].	Я ще не готовий, І ніхто там на <u>порозі</u> не чекає...
--	--

Conclusions: The translator managed to preserve the peculiarities of Kunitz’s free verse in the Ukrainian language. He matched the relevant stylistic devices to convey the strict rhyme, the intonation and the total image of a poem. The translation of the Americanisms caused a number of problems. In some cases the translator used not the American but British correspondences, but those options were quite stylistically and semantically reasonable.

References:

- [1] Abbs P. The Forms of Poetry: A practical study guide for English / P. Abbs, J. Richardson. New York: Cambridge University Press, 1992. p. 137.
- [2] Gregory Orr. Stanley Kunitz: An Introduction to the Poetry / Orr G. Columbia University Press (New York City), 1985. 297 p.
- [3] Scott, Clive. Free Verse and the Translation of Rhythm. In: *Thinking Verse I* (2011) / C. Scott. [Electronic resource]. Mode of access: www.thinkingverse.com
- [4] Scott, Clive. Translating Baudelaire. Exeter: University of Exeter Press, 2000. p. 287.
- [5] Scott, Clive. Translating Free Verse: Jaccottet and Auden, Channel Crossings: French and English Poetry in Dialogue / C. Scott. Oxford: Legenda, 2002. pp. 209–238.
- [6] Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Electronic resource]. Mode of access: – <http://www.merriam-webster.com/dictionary/Americanism>
- [7] Кюніц С. Творець відображень: Зб. поезій / Пер. з англ. К.: Факт, 2003. 136 с.

"DAY" AND "NIGHT" OF F.I. TYUTCHEV'S POETRY:
ANTINOMIES OF POETIC WORLDVIEW

A. Valitov¹

DOI: http://doi.org/10.15350/L_27/02

Abstract

The article is dedicated to the study of the poetic space of Tyutchev's lyric poetry, which stands out in the wider context of the Russian poetic traditions of the XIX century for its "otherness". Though based on the ontological foundation upon which the ethical framework of the classical art was built, Tyutchev's lyric poetry clearly manifests the elements of the general perception of being that indicate the existential crisis, decay of former ontological principles, anticipating the emergence of a new cultural space – the poetry of the Silver Age.

Keywords. Tyutchev, "Day and Night", chaos, cosmos, paradoxical, metatext, Silver Age.

In 1883 – ten years after the death of F.I. Tyutchev – his younger contemporary, poet Afanasy Fet, wrote about a book of poems by Tyutchev whom he "adored":

*Here is our patent of nobility –
Graciously granted by the poet,
With reign of powerful spirit
And bloom of sophisticated life.*

So, according to A. Fet, not only the refinement of the poet's lyrical voice but also its ultimate power is amalgamated in his verses. Thus A. Fet in his view of Tyutchev's poetry links two qualities which could seem almost incompatible.

However, the totality of the poetic space of Tyutchev's lyric poetry in its individual manifestations is characterized by even greater

---

¹Andrei Valitov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Russia.

heterogeneity. Relying on the poetics only, it may be impossible to reconstruct the poet's integral world outlook, taking into account the wide semantic scope of his works – from the ancient heroics ("Cicero (Cicero)", 1830) and Orthodoxy ("Oh, my prophetic soul! (O veshhaja dusha moja...)", 1855) to ontological nihilism ("Of life that blossomed here (Ot zhizni toj, chto bushevala zdes'...)", 1871).

Let us analyse the poem "Day and Night" (Den' i noch'), 1839.

*The spirit world we may not see,
That nameless gulf, is shrouded over
And hidden by a golden cover;
Thus do the gods on high decree.
Day – this most splendid shroud is thee,
Day – for us mortals, animation,
The ailing soul's alleviation,
That men and gods delight to see!*

*But let day fade and night commence;
The blessed veil is torn, revealing
The fateful world it was concealing,
And hurled incontinently hence...
The gulf lies naked to the sight
With its black horrors of perdition,
'Twixt them and us lies no partition:
And that is why we fear the night!*

In his analysis of the poem, contemporary researcher M.M. Dunaev identifies some of the features of the inner world of Tyutchev, "Tyutchev expressed the pagan perception of the world – let us not try to determine now whether it was his actual worldview or just a poetic fantasy, an experience of "other-worldly" mental state. Paganism, usually credited with a harmonious interaction with the natural world, actually perceives it – and the universe as a whole – as something fraught with the horror of an incomprehensible mystery of fate. It is no wonder that the world in the Tyutchev's poem is "fateful". The day (light) is only a deceiving cover hiding the reality: fear and gloom. Gloom, darkness, absence of light – that's true pagan sensation of the surrounding world." [1, pp. 363-365]

In his further analysis of Tyutchev's poetry, M.M. Dunaev notes that the poet was able "to discern sinful conflicting states, concealed

in the deepest depths of the soul and madly gravitating towards shapeless nothingness – chaos", and the researcher considers that the causes of such sensitivity were in instability, duality of the "true nature of Tyutchev himself"[2, p. 365 and 369].

Such characteristics of Tyutchev's lyrical poetry have been marked by many literary critics and scholars at different times. Thus, D.S. Merezhkovsky, for example, generally tended to maximize the importance of the internal sense of distress in the poets' works. N.N. Skatov wrote in this connection: "For Merezhkovsky, Tyutchev was, first of all, a carrier of the elements of individualism with all the related contradictions – from self-idolization to personal self-destruction. Two forces drive the human world, as well as the world of the elements: attraction and repulsion of atoms – personalities. Of these two forces only one – the repulsive force – is affirmed by Tyutchev.' ... Buddhism is a religion of inaction. It is primarily a religion of contemplation. This is the essence of Tyutchev's religion.' 'Love of suffering – love – love of evil, of destruction. Chaos.' All these characteristics are taken from different fragments of the book 'Two Secrets of Russian Poetry'. But all of them say the same: Tyutchev is related to the religion of evil, chaos, inaction, destruction and self-destruction. There seems to be a lot of truth in this approach, supported by the poems by Tyutchev and derived from them. Still it is not true because it is not the whole truth about Tyutchev. It was not a mere coincidence that the verses on the basis of which we can speak about Tyutchev as a poet of kindness, space, life and active action just dropped beneath Merezhkovsky's radar."[3, pp. 104-105]

Yu.M. Lotman in one of his last articles about Tyutchev's works also mentioned some oppositions inherent to his lyric poetry, though, as well known, the scholar treated the entire Tyutchev's poetic legacy as the integrated whole, "The interpretation of Tyutchev's body of work as a unified text has become well established. This approach, however, should be agreed with another well-known fact: regular occurrences of contradictory solutions to the same problems in Tyutchev's poetic legacy. Thus, for example, while considering the opposition of 'being' and 'non-being', which is fundamental for the entire system, a researcher looks in bewilderment at a passionately expressed thirst for being. And, on the other side, – at an equally powerful urge to 'taste destruction'. The same can be stated regarding other most significant oppositions, including the 'Russia – West' one." [4, p. 86]

The complicated worldview contradictions were intertwined in Tyutchev's lyric poetry and, maybe, even determined the paradoxical nature of other aspects of his poems, providing them with that degree of originality and uniqueness which constitute the phenomenon of Tyutchev's poetic legacy. For example, L.V. Pumpyansky, in his study of Tyutchev's style, drew attention to the paradoxical combination of its components: "alloy of Schelling with Derzhavin", "a combination of incompatible styles Romanticism and Baroque". [5, p. 15] "His lyric poetry accustoms us to a monumental style in small forms," said Y.N. Tynyanov about the genre originality of Tyutchev's poetry. [6, p. 51] He assumed that Tyutchev, moving away from the ponderous, "monumental" forms of the XVIII century poetry, turned to the latest "literary form of fragment" developed by the German Romantics. Short poems – fragments – were incorporated into a whole, unified text, being at the same time inclined towards restoration of "the great epic tradition of the XVIII century". [7, p. 52]

Tyutchev's poetry concentrates ontological dimensions of metatext of the new European culture, and a person of his poems is withdrawn beyond any sustainable space and is doomed to rootlessness and metaphysical anguish. The fundamental state of Tyutchev's lyric hero is that of a person facing an elusive space, a human at the abyss. The image of the world is not described – it just flickers in the unfathomable depths. In the poetic world of Tyutchev it is realised in the description of colours (mostly gold, azure, green, smoky, etc.) as lights, and the depiction of light as a glimpse, a flash in the unfathomable darkness ("The Alps (Al'py)", 1830; "Just how it happens during summer (Kak letnej inogda poroju...)", 1863; "How beautiful is the sea at night (Kak horosho ty, o more nochnoe...)", 1865; "The East is doubtful and silent (Molchit somnitel'no vostok...)", 1865). A person – facing a "sphinx of nature" ("Nature is a Sphinx. And all the more destructive (Priroda – sfinks. I tem ona vernej...)" and encountering its incomprehensible mystery – dies, tempted to fathom the unfathomable. It faces the person as a destructive temptation.

We can speak of an unresolved crisis of the space inherent to the poetic worldview of Tyutchev. In this context most of the semantic load of Tyutchev's poetry was taken over by the literature of the Silver Age. In the space of culture, the world of Tyutchev's poetry with its "glimpses" and "abysses" proved to be close to the poetic cosmos of Russian Symbolism, with its internal tension and anxiety, submission of reason and will to feelings and mood. The literary work

by practically all Russian Symbolists, both of the "older" and "younger" generations, was influenced by Tyutchev's poetry. Moreover, many of them considered that his influence almost entirely determined the ontology of the Symbolist aesthetics. So, the major load of the semantic meanings developed by Tyutchev was taken over by the XX century culture anticipated in his poetry.

References

- [1] Dunaev M.M. Pravoslavie i russkaja literatura (Orthodoxy and Russian Literature). Moscow: Hristianskaja literatura, 1996, 320 p.
- [2] *ibid.*
- [3] Skatov N.N. Nekrasov: sovremenniki i prodolzhateli. Oчерki. (Nekrasov: Contemporaries and successors. Sketches). Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1986, 336 p.
- [4] Lotman Yu.M. Poeticheskiy mir Tjutcheva (The Poetic World of Tyutchev). Tjutchevskij sbornik. Stat'i o zhizni i tvorchestve Fjodora Ivanovicha Tjutcheva (Tyutchev Collection. Articles about F.I. Tyutchev's Life and Literary Works). Tallin, 1990, 458 p.
- [5] Pumpyansky L.V. Pojezija F.I. Tjutcheva (Poetry by F.I. Tyutchev). Uraniya. Tjutchevskij al'manah (Urania: Tyutchev Almanac). 1803-1928. Leningrad, 1928, 623 p.
- [6] Tynyanov Yu.N. Pojetika. Istorija literatury. Kino (Poetics. History of Literature. Cinema). Moscow: Kniga, 1977. 327 p.
- [7] *ibid.*

INTEGRATION OF PSYCHOLOGICAL
AND PHILOSOPHICAL CONCEPTS
M. BEKSULTANOVA IN HUMANISTIC FUNCTIONS

*R. Tataeva*¹

DOI: http://doi.org/10.15350/L_27/03

Abstract

This paper analyzes the issues devoted to psychological and philosophical concepts of art M. Beksultanova. Are given the fundamentals and concepts of contemplation, possible to expropriate the psychology of art and humanistic aesthetics.

Keywords: artistic creativity, integration, art, psychology, message of interpretation, didactic humanism, psychological and philosophical aspect.

*От колоса должно зерно родиться,
от человека – свет его добра...
Иван Минтяк*

Обозначая доминантные тенденции чеченской литературы XX века, её значение в историческом процессе, учёные предлагают интеграцию монолитных фигур, созданных принятой порубежной периодизацией, способствующей потенциальному приятию художественно-философских концепций мира и человека. Осуществляя предложенные аргументы цельности, необходимо: концентрировать характеристику комплекса «реализмов» определенных ужасом тоталитаризма; изобразить имманентную гибкость модернизма (эволюция символизма к акмеизму, формирование футуризма); предоставить беспристрастную картину противоречий и пафос созидания. Подобный концепт ценностей искусства обуславливает гипотезу о типологии творческих индивидуальностей и дифференциацию «таланта и гениальности художественного созерцания» [1, С. 85]. В целом, аксиология трудов писателей Чечни обусловленная мемуарными оттенками, авто-

---

¹Rovzan Tataeva, Chechen State Pedagogical University, Russia.

биографией, фрагментами хронологии, литературной иконографией и трагической фатальностью бытия, продолжена М. Бексултановым и «товарищами по цеху».

Объединенные эстетическим сознанием и этнографической атмосферой, произведения Бексултанова фундаментальный потенциал интегрирования и амальгамирования границ гетерогенных интерпретаций, соответствующий знаковой системе и элементам архифакта. Исповедальные мотивы, определяющие рубежное преломление, означены в его сборниках «Мархийн кайн Паргулеш» («Облаков журавли белые») – 1985г.; «Юха кханна а селхана санна» («И снова завтра, как вчера») – 1988г.; «Наггахь сайн сагатделча» («Иногда, когда мне грустно»); «Я хьан тухур хьане!» («И кто постучится в твою дверь») – 2004г.; «Сан вешин Гехийза йо!» («Девушка моего брата») – 2011г.

Медитативно интегрируя психолого-философские идеи в гуманистической функции, помогающие индивиду адаптироваться в критических условиях сакральным позитивизмом, писатель творит: «... из подлинного созерцания, недоступного по своей энергии чистоте или глубине его современникам» [2, С.274]. Значит, наблюдение допустимо-используемо в психологии искусства, что отмечено в работе «Одинокий художник» И.А Ильина: «... тонкому и художественно зоркому психологу предстоит обширное и упоительное поле для исследования; и работа его даст бесконечно много и психологии творчества, и эстетике, и художественной критике, и творящим художникам, и воспринимающим обывателям» [3, С.274].

Уникальность Бексултанова, характеризуется медитациями о форме существования, верованиях, нивелированием «биографии души» в периодической фрагментарности, овладением универсальным методом раскрытия индивидуума, т.е. созданием психологического портрета в интерьере времени, зараженного «пестрой маргинальностью» – основным недугом цивилизаций. Дефиницируя генезис религии и культуру этночеченцев, он соотносит: адаты и Коранические страницы, мифы и трагедии исторической героизации; раскрывает целостную константу социумов во временном пространстве. Направляя сенсуальность Аниме (душе), а не Разуму (рассудку), усилил изображение атомизированных артефактов, губительно влияющих на будущее.

Данный аспект дидактического гуманизма, научно обосновывают возможности эмансипации и перспективного регресса

личности; синтезируют регулятивную, семиотическую, социально-психологическую меру, аргументированную известным хирургом – кибернетиком Н.М. Амосовым в книге «Мысли и сердце». Аналогичная экспозиция бексултановских вопросов и доводов дополнена атомизированными вкраплениями гуманистических граней. Иначе, планомерность тематики, сюжета и композиции повестей, является средством ретроспективного анализа действительности при абсолютном пассаизме автора. В частности, рассказ «Кхуна иза цахьнера» («Он этого не ведал») повествует о супружеской паре преклонного возраста, с «мягким консерватизмом». Основанием генерации образов послужил ценный источник – принцип контраста поколений, достигнутый когнитивным стилем (диалог и монолог), определивший духовное целомудрие стариков.

Созидательная динамика, выраженная фееричными сегментами (фольклор, изысканные обороты речи – шутливая перебранка и воспоминания о прошлом героев), отражают менталитет и субъективное видение этнотрадиции повествователя. Вопреки устойчивому представлению о гармонии поколений в традиционной вайнахской семье, взаимоотношения действующих лиц, определяется внутренней напряженностью, перешедшей в открытую апелляцию. Родителей тяготит дегенерация внутрисемейного этикета, аморальная бестактность детей, безвестность:

- Къарибат, алахь... ала мегар дацар-те...
- Оьзда ма дац иза, ва Атаби, муха эр ду ас, йоІан-йоІ хила а там болчу... [4, С.336].
- Цхана кхечуьнга...
- Нахе хула муха олу...» [5, С. 337].
- Къарибат, ответь... Может сказать...
- Это же неприлично, ну, Атаби, как, как я скажу подобное..., почти ровеснице внучки....
- А через кого-то...
- Как можно через посторонних....

Кульминация конфликта возникает с возмущения и антипатичного удивления свекра поведением невестки и сына. Трагическая уникальность ситуации заключается в ожидании стариков внимания со стороны детей через внука. Несоизмеримость страданий родителей усилена лишением их мечты – внука. Прежде всего, это «эффект обманутого ожидания», ввергнувший героев в апогей: «...Воккха стаг букь кагбелча санна, висира... Ціе уьдура пхенашкхула. БӀаьрса дайра...» [6, С.340]. («...Старика парализо-

вало, словно перелом спины... Жар бегал по венам. Свет в очах потух»).

Сюжетно, писатель поражает, потрясающей пустотой в семье, что охватывает страх спровоцированный вечным конфликтом поколений. Х.Ортега-и-Гассет подчеркивал, что «... главное в жизни поколений отнюдь не то, что они сменяют друг друга, главное – их взаимопересечение, перехлест» [7, С.274].

Художник не рисует картин борьбы, она на психологическом уровне, в ремарках родителей – Атаби, Къарибат, а также в эпизодически-сепаратном существовании детей, пренебрегших в угоду эфемерностям бытия мировоззренческой схемой и нравственностью, что непостижимо старшим поколением: «...Цунна цахаъара, х1ара х1ун ду, х1унда ду, х1ара мичара ду, маца ду. Цунна зуда, бераш а деш, керт а лелош, шен доъзал а, ц1ийнада а 1алашвеш, яха еза моъттинера. Моъттинера боърша стаг доъзална напаг1а а лохуш. уыш шийла а, меца а ца буътуш. уыш оъзда, г1иллакхехъ кхиа а беш, ваха веза. Кхунна моътург кхуънцанний къанделла хиллера, тишделла д1адаълла. Кхунна иза ца хиънера» [8, С.340]. («...Он не знал, что это, почему, откуда это, с каких пор. Он думал, что предназначение женщины – это быть заботливой женой и матерью, хорошей хозяйкой. Думал, что мужчина обязан обеспечить семью. Оберегая семью от голода, холода, обязан воспитать их приличными и порядочными людьми. Его мнение с ним же и состарилось, обветшало, исчезло. Но он этого не знал. Не ведал ...»).

Проблемы иллюзорного восприятия молодым поколением мира, требующего жертв, перекликаются с басней И. Крылова «Оракул»:

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и серебром и золотом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фимиамом задушен...

С другой стороны, «... множество молодых людей просто не представляют, как можно строить планы на будущее, думать о завтрашнем дне.... Для них все в значительной мере мимолетно, проходяще, поверхностно» [9, С. 54].

Сторонник исторически сложившихся патриархальных позиций о семье М. Бексултанов остро переживает трагедию героев: отчужденное одиночество стариков, рецессию преемственности, гипертрофический нигилизм, неопытной молодежи. Это тревога за самоуничужительное поколение, утопающее в пороках, а главное гибнущую породу нации.... Он заинтересован в этнологической адаптации читателя в обозначенной концептуальности, оставшейся для читателя туманной.... Проблема преемственности поколений в творчестве автора перманентна, что обусловлено, рокировкой их имманентности и трансцендентности.

Рассказ М. Бексултанова «Кхуна иза цахиънера» («Он этого не ведал») это меседж современника – современнику о расплате: «... конфликт поколений – универсальный мотив истории. Он базируется на изначальных чертах человеческой природы... Эта борьба продолжается непрерывно, то скрыто, то явно; она никогда не кончается явным триумфом молодых, ибо к тому времени, когда они побеждали, они уже становились людьми средних лет» [10, Р. 32].

В целом «краеугольная философия» и неиссякаемая эстетическая концепция Бексултанова, воплощенные в художественных образах произведений обусловлены – динамичностью гуманистических тенденций и антропоцентризмом. Именно гуманистические традиции в творчестве писателя позволяют иначе взглянуть на морально-нравственные аспекты современников, смысл их бытования.... Проблема обретения смысла в условиях кризиса ценностей и авторитетов – одна из социальных проблем, содержащая в себе вызов гуманистической психологии.

References

- [1] Агапов Д.А. Психолого-культурологическая концепция созерцания в работах И.А. Ильина. Научный журнал «Известия Самарского научного центра РАН» 2009. том 11, № 4. С. 85.
- [2] Ильин И.А. Одинокий художник...: Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, комментарии. М., Искусство, 1993. С. 273-274.
- [3] Там же. С. 274
- [4] Бексултанов Муса. Гулйина проза.1-ра том. Я хън тухур буйсанна хъан не!... Дийцарш. Сольжа-гъала, «ДОШ» издательство, 2005 шо. 736с. С. 336.
- [5] Там же С. 337.
- [6] Там же С.340.
- [7] Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Он же. Избранные труды. М., 1997. С. 274
- [8] Бексултанов Муса. Гулйина проза.1-ра том. Я хън тухур буйсанна

хъан нел... Дийцарш. Собыжа-гала, «ДОШ» издательство, 2005 шо. 736с. С. 336. С.340.

[9] Бобылев С.Н. «Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2009» М.: Весь мир, 2010. С. 54.

[10] Feuer L.S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. NY, 1969. P. 527-528. 14.Ibid. P. 32.

COMPARISON AS MEANS OF EVALUATION
IN BANNER ADVERTISING*T. Krutko*¹DOI: http://doi.org/10.15350/L_27/04*Abstract*

Comparison is one of the effective means of evaluation in virtual advertising. It is proved that comparative constructions are widely used in the English, Russian, and Ukrainian banner ads. Clausal comparisons as well as combination of superlative and comparative degree can be found in the English banner ads. Phrasal comparisons with a null comparative are typical for the Russian and Ukrainian banner ads.

Keywords: banner ads, comparison, advertising discourse.

В рекламном дискурсе оценка является имманентной величиной, адекватную реализацию которой обеспечивают различные языковые средства. Ученые насчитывают около десяти показателей оценности, среди которых лексико-семантические, грамматические, словообразовательные, стилистические и т.д. [2]. Категория оценки, реализованная различными языковыми средствами, является семантическим ядром рекламных текстов, в том числе текстов виртуальной рекламы.

Виртуальная реклама как динамично развивающийся и перспективный тип рекламной коммуникации, характеризующийся визуальными, структурными, содержательными особенностями, уже почти десятилетие привлекает внимание лингвистов. Осуществляется лингвосомиотический анализ текстов баннерной рекламы (Т.В. Крутько), изучаются их когнитивно-прагматические особенности (Е.С. Иванова), коммуникативные стратегии (А.Д. Белова).

Небольшая площадь рекламного баннера и короткое время его воздействия на адресата заставляют адресанта создавать

---

¹Tetiana Krutko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National University of Water and Environmental Engineering, Ukraine.

многоуровневый рекламный текст, в котором простые для когнитивной обработки элементы разных уровней языка, в сочетании с невербальными компонентами, призваны убедить адресата рекламы в необходимости осуществления запрограммированных рекламистами действий, а именно в необходимости активизации баннера [1, с. 184].

Как явление многогранное и постоянно развивающееся баннерная реклама содержит колоссальный потенциал для лингвистических исследований, в частности изучения грамматических способов выражения оценки на материале английского, русского, украинского языков.

В текстах баннерной рекламы грамматические способы выражения оценки, в частности компаративные конструкции, которые активизируют механизм сравнения, являются средством формирования и интенсификации воздействующего потенциала рекламного текста.

Функцией компаратива как непосредственного выразителя категории компаративности является обозначение относительной разницы между сравниваемыми предметами или рядами предметов (имплицитными или эксплицитными) в соответствии со степенью обладания присущим им качеством: *Sometimes BIGGER is BETTER; Какова гуца ефективніша за дорогу косметики.*

Используя компаративы, создатели рекламы актуализируют значимые признаки предмета рекламирования, которые должны отличать его от других объектов того же вида: *Introducing Super Pixel Fonts! Now smoother and cleaner; sell your stuff faster on Yahoo! Classifieds; Nisan Tiida доступніше на 4750 у.е.; Копни глубже www.ukrrudprom.com*

Текстам баннерной рекламы, относящимся к текстам малой формы, свойственны чрезмерная лаконичность, емкость, содержательность текстового наполнения, компрессия. Среди синтаксических форм, характеризующихся этими качествами, особое место занимают неполные сравнительные конструкции с имплицитным эталоном сравнения, которые широко используются в текстах англо-, русско-, украиноязычной рекламы. Атрибутивные компаративы в неполных сравнительных конструкциях помогают подчеркнуть преимущества предмета рекламирования: *Now there's an easier faster more accurate way to analyze Web site traffic; Want a better way to search Austin and the web? Click here; Будь*

выше! VIP объявление; Venus Більш комфортне гоління.

Среди сравнительных конструкций с эксплицитным эталоном сравнения в англоязычных рекламных текстах фиксируются единицы, где первая часть является предикативной, а вторая – непредикативной: *He makes more money than you. He gets better jobs than you. He earns more respect than you. He is more in demand than you. You can't beat him unless you join him. Click here for FREE certification tests. Brainbech the measure of achievement;* конструкции с двумя непредикативными частями: *Visa Smarter than your average card.*

Анализ англоязычного эмпирического корпуса свидетельствует об обращении копирайтеров к компаративным конструкциям с маркерами сравнения *like: Your interest rate shouldn't be like a BLIND DATE; as: Web Authoring Software that is easy as pie; It's easy as 123; Easy as DELL; than: Faster than a speeding bullet. Smarter than a locomotive.*

В рекламных текстах, адресованных русскоязычной и украиноязычной аудитории, использование полных сравнительных конструкций с эксплицитным эталоном сравнения является не столь распространенным, как в англоязычной рекламе: *Волосы как шелк. Новинка Gliss Kur «Жидкий шелк».*

С целью выражения наивысшей оценки в текстах баннерной рекламы копирайтеры используют суперлатив как одно из популярнейших средств объективации максимальной степени проявления признака: *the web's most popular shoe store!; Japan's most explosive director has you in his sights; Expose your listing to the Internet's largest audience; Самый семейный сайт www.7ya.ru; Самая крупная конференция в Уанете; Найкращі протизламні двері виготовляють в Рівному www.stal-m.ua; board.club.co.ua безкоштовна дошка оголошень: найшвидший спосіб продати, купити, обміняти; Сота Экономь время выбери лучшее!; Самая спортивная новость Чемпионат.ru.*

В текстах англоязычной рекламы фиксируется сочетание суперлатива и компаратива, что позволяет рекламистам достигать максимальной интенсификации выражения оценки в рекламном сообщении: *Earth's biggest selection just got bigger; The coolest version of Photoshop just got cooler.*

В рекламном тексте *Low 3.9% Intro APR Lower 2.9% Intro APR Lowest 0% Intro APR. Yahoo!Platinum Visa Card* для демонстрации преимуществ кредитной карточки *Visa* копирайтеры использова-

ли компаративно-суперлативную конструкцию в сочетании с синтаксическим параллелизмом, что способствует прогнозируемости рекламного текста и, соответственно, облегчает его восприятие и запоминаемость.

В следующем примере *good better bizzed. bizzed.com* вместо прогнозируемого прилагательного в превосходной степени сравнения *best* использован адрес рекламируемого веб-сайта. Такой прием позволяет копирайтерам создать эффект обманутого ожидания, когда в высказывании появляется элемент малой вероятности, нарушающий непрерывность сообщения и создающий неожиданность, которые вызывают сопротивление восприятия, требуют усилия со стороны читателя, а потому сильнее на него воздействуют (И. В. Арнольд). Эффект обманутого ожидания позволяет акцентировать внимание на наиболее значимых компонентах рекламного сообщения, в данном случае – на адресе веб-сайта.

Использование образного сравнения – стилистического приема, основанного на сопоставлении – является средством эмоциональной интенсификации рекламного сообщения: *Paradise Falls may look like heaven...; Your faith is like a muscle*.

Категория оценки, реализованная при помощи грамматической категории сравнения, выступает средством формирования и интенсификации воздействующего потенциала рекламного текста. Как средство эмоционально-оценочного влияния сравнительные конструкции позволяют рекламистам формировать положительный образ рекламируемого объекта, подчеркивать его исключительность.

Сравнительные конструкции являются пресуппозициональным компонентом рекламного текста, то есть вводят информацию, претендующую на статус не требующего доказательств объективного факта, и, соответственно, являются приемом языкового манипулирования. Так, в рекламных текстах *Самый удобный сайт объявлений Obyava.ua.net; the web's most popular shoe store!* сравнительные конструкции используются с целью усиления директивной иллокуции, убеждения адресата в уникальности рекламируемых объектов, являются рекомендацией к посещению сайтов и, кроме того, способствуют лаконизации рекламных текстов.

Таким образом, сравнительные конструкции, широко используемые в текстах англоязычной, русскоязычной и украинскоязычной баннерной рекламы, являются средством реализации

прагматической установки рекламного текста, а именно формирования положительной оценки объекта рекламирования. Среди англоязычных рекламных текстов фиксируются как полные сравнительные конструкции с эксплицитным эталоном сравнения, так и неполные конструкции с имплицитным эталоном сравнения. Для текстов баннерной рекламы на русском и украинском языках характерно использование неполных сравнительных конструкций с имплицитным эталоном сравнения.

References:

- [1] Крутько Т.В. Эргономические характеристики виртуальной рекламы / Т.В. Крутько // Язык – когниция – социум: тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 12-13 ноября 2012 г. / редкол.: З.А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ, 2012. С. 183-184.
- [2] Лавров Н.И. Факультативные элементы фразеологического значения диалектных ФЕ / Н.И. Лавров // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983. С. 108-112.

ON THE PROBLEM OF LITERARY TRANSLATION
IN KARAKALPAK LITERARY

*T. Bainiiazova*¹

Abstract

As is known, in the 20-30 years of the twentieth century, there is the emergence and formation of the Karakalpak literature on the basis of national folklore and classical poetry of XVII-XIX centuries, as well as the poetic experience of fraternal literatures. In this period there is convergence of the Karakalpak literature and art of the peoples of foreign language of artistic expression.

Keywords: translation, literature, translation problems.

Как известно, в 20-30-х годах XX века наблюдается зарождение и формирование каракалпакской литературы на основе национального фольклора и классической поэзии XVII-XIX веков, а также поэтического опыта братских литератур. В этот период происходит сближение каракалпакской литературы с искусством художественного слова иноязычных народов.

Каракалпакский писатель, в дальнейшем – видный представитель национальной фольклористики К.Аимбетов одним из первых выдвигает идею о творческом обучении у других народов: «русская литература – богатая литература, пользование ею – задача молодых писателей» [1]. В постижении мастерства реалистического отображения действительности каракалпакские писатели, наряду с ознакомлением с художественным творением на языке оригинала, придавали особое значение переводам. Некоторые писатели, помимо создания разнообразных по жанровой форме художественных произведений, занимались ещё и переводческой практикой.

Таким образом, переводы образцов литератур братских народов имели для отечественных писателей прежде всего практическое значение, тогда как каракалпакские читатели получили возможность близко познакомиться с творчеством Навои, Низа-

---

¹ Tazagul Bainiiazova, Senior Researcher, Karakalpak Research Institute for Human Sciences, Uzbekistan.

ми, Пушкина, Шевченко, Джамбула и других великих писателей и поэтов.

Вместе с тем, не всегда первые опыты художественного перевода были удачными, что связано с особенностями творческого самовыражения каждого писателя – представителя культуры братских народов, своеобразия созданного им произведения, а равно и свойствами родного каракалпакского языка. В связи с этим в литературном процессе появляются первые статьи, посвященные проблемам художественного перевода. Например, вследствие того, что не были учтены особенности стихосложения Маяковского, при переводе некоторых произведений русского поэта было допущено искажение содержания стихотворений. В статье «Несколько слов о переводе произведений Маяковского на каракалпакский язык» М.Нурмухамедов обращает внимание на формалистский подход отечественных поэтов к переводу образцов творчества Маяковского. В частности, М.Нурмухамедов останавливается на ошибках, допущенных Ж.Аймурзаевым в 1930-е годы XX века [3].

Подобной критике подвергнуты и басни Крылова, представленные на каракалпакском языке. Н.Урумбаев в статье «Басни Крылова на каракалпакском языке» пишет о том, что Ж.Аймурзаев и Р.Мажитов, не вникая в идейное содержание оригинала, самовольно «исправили» его. И русские басни, которым «присущи интонация и ритм разговорной речи, были переданы по традиционному образцу каракалпакской поэзии как четырехстрочный стих. Таким образом, басни Крылова стали песнями, исполняемыми под музыку (*т.е. приобрели форму песенных стихов – Т.Б.*)» [4].

Статьи А.Жаксыбаева примечательны тем, что в них автор обращается к теоретическим и практическим задачам переводческой деятельности. В частности, ученый-языковед подчеркивает, что переводческая деятельность соотносима с творческой и переводчик должен с большой ответственностью подходить к своей работе. Дальнейшие наблюдения А.Жаксыбаева за литературным процессом были обобщены в книге «Проблемы художественного перевода».

Установление тесных связей национальной литературы с иноязычным искусством слова Востока и Запада, неотвратимый процесс дальнейшего усиления литературных взаимосвязей привело в свою очередь к появлению переводов образцов каракал-

пакской литературы на языке различных народов мира. Данное обстоятельство послужило фактором, способствовавшим появлению ряда научных статей и исследований в данном направлении. В своих трудах, посвященных изучению проблемы литературных взаимосвязей, каракалпакские ученые в качестве одной из форм литературных взаимосвязей обращают особое внимание переводов. В настоящее время в каракалпакском литературоведении по данному направлению можно встретить работы М.Нурмухамедова, И.Сагитова, Н.Жапакова, С.Ахметова, К.Мамбетова, Х.Хамидова, С.Аллаярова, К.Курамбаева, П.Алламбергеновой, М.Бекбергеновой, А.Хамидовой и других ученых.

Следует особо отметить заслугу творческой интеллигенции в данной области. Например, каракалпакские писатели С.Мажитов и К.Ауезов стали зачинателями художественного перевода. Народный поэт Каракалпакстана Т.Жумамуратов, стоял во главе коллектива поэтов, переводивших на родной язык «Маобитскую тетрадь» М.Джалиля, а также написал предисловие к ней. Талантливый каракалпакский поэт И.Юсупов посвятил ряд статей вопросам теории и практики перевода [5], а также занимался переводческой деятельностью. В его творчестве наблюдаются глубокие связи поэтического мастерства каракалпакского народа и мировой литературы. Благодаря Х.Турымбетову, М.Сейтниязову, Ш.Сейтову и другим мастерам слова каракалпакский читатель ознакомился с образцами литератур Востока и Запада, но и получил возможность сравнить их с оригиналом.

Дружественные контакты творческой интеллигенции Каракалпакстана указывают на установление особых взаимоотношений среди представителей разных народов, основанных на глубоком уважении и почитании. Это можно наблюдать на примере узбекско-каракалпакских литературных связей, имеющих далекие исторические корни. Общность происхождения, территориальная близость, сходство культуры способствовала проявлению своеобразных восточных традиций которую можно наблюдать и в литературной среде. Например, благодаря народному поэту Узбекистана Миртемиру узбекские читатели получили возможность прочитать произведения Бердаха на родном языке. Работа с материалом каракалпакской литературы, знакомство с традициями классиков каракалпакской литературы – Ажинияза и Бердаха привело к созданию Миртемиром ряда оригинальных творений –

поэм «На тое Айсанем» (1938), «Воспоминания баксы» (1939), «У берегов Аму» (1946), «День завтрашний» (1947), а затем цикла «Каракалпакская тетрадь» (1956-1957).

Восточные традиции наставничества и ученичества ярко проявляются в творчестве известного писателя, академика Г.Гуляма. В сфере науки Г.Гулям занимался исследованием некоторых вопросов каракалпакской литературы. В творческой деятельности Г.Гулям глубоко почитал классиков каракалпакской литературы Ажинияза и Бердаха, считал своим наставником народного поэта Каракалпакстана А.Дабылова. В свою очередь, каракалпакский поэт, писатель и драматург Ж.Аймурзаев в качестве своего учителя и наставника относился с особым уважением к Г.Гуляму [2:51].

Таким образом, узбекско-каракалпакские литературные связи способствовали творческому росту писателей и обогащению искусства художественного слова каждого из этих народов.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что художественные переводы послужили своеобразной школой мастерства как для самих переводчиков, так и для последующего поколения писателей и поэтов. В свою очередь, лучшие произведения каракалпакских писателей к настоящему времени представлены на узбекском, казахском, татарском, русском, корейском, французском и других языках народов мира.

Как мы видим, художественные переводы способствовали проявлению творческого потенциала самого писателя. Интенсивное развитие и глобальная интеграция человечества способствуют неизбежному усилению литературных взаимосвязей, при этом как и для других литератур народов мира, каракалпакской литературе предстоит развиваться и дальше, сохраняя свое национальное своеобразие, целостность и ценность.

В рассмотрении проблемы художественного перевода можно отметить следующие особенности. На начальном этапе зарождения, формирования и развития каракалпакской литературы переводы произведений представителей литератур других народов производились с практической целью, т.е. имели характер ознакомления с образцами иноязычного поэтического опыта, приобщения к искусству мастерства слова, приобретения навыков в создании разнообразных по своей жанровой форме произведений. При этом можно сказать, что писатели к материалу иноязычных литератур подходили с точки зрения прагматики.

В последующем назревает необходимость творческого подхода к переводческой деятельности, что связано с состоянием развития каракалпакской литературы, накопившей к тому времени определенный опыт и знания в области реалистичного отображения событий и явлений действительности, так и формированием, и развитием национальной филологической науки. В отечественной науке к проблеме художественного перевода обращаются литературоведы, а также ученые-языковеды, поэты и писатели.

Дальнейшая разработка проблем теории художественного перевода является одной из актуальных задач современной каракалпакской литературоведческой науки в связи с необходимостью обобщения полученного ею опыта в области художественного перевода и внедрения в научный оборот накопленного материала.

References:

- [1] Айымбетов К. Әдебият мәселеси менен каракалпак жас жазыушыларынын ӯазыйпалары. Мийнеткеш каракалпак, № 55 1930.
- [2] Курамбаев К. Адабий тасирдан ижодий ӯзига хосликка. Нукус: Қорақалпоғистон, 2007. 60 с.
- [3] Нурмухамедов М. Маяковский шығармаларын каракалпак тилине аударыу туӯралы бир-еки сөз. Жас ленинши. 16 июль 1953.
- [4] Урумбаев Н. Басни Крылова на каракалпакском языке. Советская Каракалпакия, № 176 1954.
- [5] Юсупов И. Классик поэзияны аударыуға кеӯил бөлинсин. Совет Қаракалпакстаны, № 125 1957; Мақтымқулының шығармаларын аударыудағы айырым алағатлықлар ҳақкында. Әмиӯдәрья, №10 1983.

ADVANTAGES OF USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES
IN THE STUDY OF FOREIGN LANGUAGE*M. Hurramova*¹*Abstract*

The article reveals the benefits of using information technology in the process of learning a foreign language, how is implemented student-centered approach to learning using the World Wide Web, what are the main forms of information technology used at the present stage.

Keywords: personality – oriented approach, information and communication technology, cognitive interest.

В условиях информационного общества знания и квалификация приобретают первоочередное значение в жизни человека. Чтобы быть в курсе развития мировой науки, необходимо изучение первоисточников на языке авторов. Поэтому, повышение значимости иностранного языка, его востребованность, оказали влияние на содержание, задачи и динамику обучения.

Современные методики такие, как обучение в сотрудничестве, проектная методика с использованием новых информационных технологий и Интернет-ресурсов помогают реализовать лично-ориентированный подход в обучении, обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию обучения с учётом способностей студентов, их уровня обученности, склонностей и т.д. [3].

Глобальная сеть Интернет создаёт условия для получения любой необходимой студентам и преподавателям информации, находящейся в любой точке земного шара: страноведческий материал, новости из жизни молодёжи, статьи из газет и журналов, необходимую литературу и т.д. Студенты могут принимать участие в викторинах, конкурсах, олимпиадах, проводимых по сети Интернет, переписываться со сверстниками из других стран, участвовать в чатах, видеоконференциях и т.д. Студенты могут

---

¹Muhayo Hurramova, Department of Foreign Languages, Tashkent Financial Institute, Uzbekistan.

получать информацию по проблеме, над которой работают в данный момент в рамках проекта [2]. Обучение с использованием ресурсов Интернет можно смело отнести к новым педагогическим технологиям. Меняется позиция преподавателя – он перестает быть единственным источником знаний, а становится организатором процесса поиска, переработки информации (возможно, ее адаптации к уровню владения языком обучаемых той или иной группы) и координатором исследования и создания творческих работ школьников и студентов.

Поскольку сегодня требуется свободный доступ к необходимой информации, то в информационных центрах создаются все возможности выхода в научные, культурные и информационные центры всего мира с тем, чтобы в рамках всестороннего изучения той или иной проблемы формировать собственное независимое мнение. Таким образом, студентам должны быть созданы благоприятные условия для использования технологических возможностей современных средств связи как для поиска и получения информации, так и для развития познавательных и коммуникативных способностей и формирования у них умения оперативно принимать решения в сложных ситуациях. Данный процесс наиболее успешно протекает с помощью использования информационных и коммуникационных технологий обучения, включающих специфические способы и технические средства (компьютеры, аудио- и видеосредства, телекоммуникационные сети и т.д.) для работы с информацией.

Для студентов мультимедийные технологии являются способом, при помощи которого они расширяют свои представления об окружающем мире. Использование мультимедийных технологий обеспечивает более полную и точную информацию об изучаемых явлениях и объектах. Это повышает качество обучения, позволяет удовлетворять и развивать познавательные интересы студентов, повышает наглядность обучения, позволяя использовать тяжело доступный материал или тот, который нельзя использовать без компьютера. Работа студентов становится более интенсивной, что позволяет повысить темп изучения учебного материала и увеличить объем самостоятельной работы на занятиях и после них. Формы работы с компьютерными обучающими программами на уроках иностранного языка включают: изучение лексики; отработку произношения; обучение диалогической и монологической речи; обучение письму; отработку грамматических явлений.

Основными формами использования информационных технологий являются следующие:

1) мультимедиауроки, которые проводятся на основе компьютерных обучающих программ;

2) уроки на основе авторских компьютерных презентаций в ходе лекций, семинаров, лабораторных работ, докладов студентов. Так, с помощью компьютерной программы PowerPoint преподаватели организуют серии мультимедийных уроков, учебных модулей, электронных учебных пособий, которые позволяют интегрировать аудиовизуальную информацию, представленную в различной форме – графика, слайды, текст, видеофильм и т.д.;

3) тестирование на компьютерах;

Отсюда информационные ресурсы сети Интернет органично интегрируются в учебный процесс, помогая решать различные дидактические задачи на занятиях по иностранному языку, например, такие, как:

- формирование навыков чтения;
- пополнение своего словарного запаса изучаемого языка;
- совершенствование умения письменной речи, например, при составлении ответов своим партнерам по общению;
- совершенствование аудирования на основе оригинальных звуковых текстов сети Интернет;
- знакомство с культурой, речевым этикетом, особенностями речевого поведения страны изучаемого языка;
- совершенствование умения монологического и диалогического высказывания;
- формирование мотивации к иноязычной речевой деятельности и знанию специфики академического письма.

Преимущества применения информационных технологий по сравнению с традиционными методами выражаются в сочетании аудио- и видеонаглядности, возможности использования интерактивной доски, обеспечении эффективности восприятия и запоминания учебного материала, экономии учебного времени.

Говоря о технологии, имеют в виду систему действий, приводящую к ожидаемому результату. В системе преподавания иностранных языков уже давно созданы методики, претендующие на статус технологии, т.е. обладающие высокой степенью надёжности, стабильности и воспроизводимости результатов. Мы относим сюда прежде всего личностно-ориентированный подход при обучении иностранному языку, включающий метод проектов, обуче-

ние в сотрудничестве, ролевые игры, контекстное обучение, интенсивное обучение и разноуровневое обучение.

Конечно, не следует забывать, что учат учителя, а не компьютеры. Компьютер – всего лишь сложная машина на службе у человека, и она никогда не заменит учителя. Однако приведем замечание Билла Гейтса «Все компьютеры в мире ничего не изменят без наличия увлеченных учащихся, знающих и преданных своему делу преподавателей, равнодушных и осведомленных родителей, а также общества, в котором подчеркивается ценность обучения на протяжении всей жизни». Целью обучения при современном коммуникативном подходе к преподаванию языков является, прежде всего, развитие способности иноязычного общения как особой социальной формы межкультурного взаимодействия, воспроизведение которой в полном объеме в рамках человеко-машинного взаимодействия в настоящее время кажется маловероятным.

Выделяя преимущества использования Интернет-ресурсов перед традиционными методами обучения, необходимо исходить из противоречий урока, обусловленных недостатками традиционного обучения:

- коллективное обучение – индивидуальное обучение;
- регулярность прямой связи – нерегулярность обратной связи;
- большой объем информации – временные рамки урока [1].

Таким образом, применение Интернет-технологий при обучении иностранному языку студентов вуза позволяет значительно расширить рамки учебного процесса, сделать его более интересным, эффективным и оптимальным.

References:

- [1] Подопригорова Л.А. Использование Интернета в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2003. № 5. С. 25-31.
- [2] Туркина Н.В. Работа над проектом при обучении английскому языку // Иностранные языки в школе. 2002. № 3. С. 46.
- [3] Якиманская И.С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 1996. С. 115.

FEATURES OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING
NOT LANGUAGE HIGH SCHOOL

*M. Bozorova*¹

Abstract

The article reveals the peculiarities of the organization of foreign language teaching, careful approach to the selection of educational material in the process of learning a foreign language, which active teaching methods are used at the present stage, as detailed thought and methodically well-organized role playing promotes active involvement of students in the learning process.

Keywords: foreign language competence, lexical and grammatical minimum, the goal-setting process, problem-based learning.

На современном этапе развития общества потребность в быстром и эффективном в овладении иностранным языком вызвала к жизни новые формы и методы обучения, дала толчок к развитию так называемых «активных методов».

Активные методы обучения иностранным языкам основаны на принципе непосредственного участия, который обязывает преподавателя сделать каждого студента активным участником учебно-воспитательного процесса, ведущим поиск путей и способов решения обсуждаемой проблемы. Используя активный метод в обучении иностранным языкам, преподаватель сотрудничает с учащимся, относится к нему как к полноправному объекту. Между преподавателем и обучаемым присутствуют субъект-субъектные отношения. преподаватель-руководитель и организатор межличностных отношений, при этом он выступает в роли эксперта. снабжая обучающихся недостающей информацией и средствами оформления мысли [1].

Активные методы обучения обладают следующими особенностями:

---

¹Mubarak Bozorova, Senior Lecturer of English, Department of Foreign Languages, Tashkent Financial Institute, Uzbekistan.

- высшая степень сознательности в активизации мышления, восприятия и поведения обучающихся;
- высокая степень вовлеченности в процесс обучения и обязательность взаимодействия обучающихся между собой;
- высокий уровень мотивации и творчества в обучении;
- эффективность развития профессионально-прикладных навыков и умений в сжатые сроки.

Одной из стратегических целей современного образования является превращение студента в активный субъект собственного учения. Он должен быть психологически и функционально готов – в зависимости от своих способностей, интересов, наклонностей и жизненных планов – выстраивать индивидуальную образовательную траекторию, вести исследовательский поиск, извлекать из различных источников информацию и превращать ее в знание. Для этого необходимо, чтобы студент: – занимал в обучении активную позицию; – мог мобилизовать интеллектуальные и волевые усилия для достижения учебных целей; – умел прогнозировать, проектировать и планировать учебную деятельность; – был способен инициировать свою познавательную деятельность на основе внутренней мотивации.

Положительное влияние иноязычных компетенций у студентов, в отличие от школьников, например, заключается в том, что взрослые учащиеся, как правило, серьезнее относятся к учению. Они осознают, что им придется сталкиваться с иностранными языками на практике, например, в процессе работы при чтении и составлении иноязычных документов, во время путешествий, при общении с зарубежными партнерами.

Взрослый учащийся, как указано выше, обладает способностью к волевому усилию, и это качество помогает ему преодолевать трудности, а процесс обучения иностранным языкам по своей сути трудоемкий, занимающий значительный период времени [2]. Работа преподавателя вуза, в отличие от школьного учителя, частично облегчается более развитым мышлением взрослых обучающихся, способностью сопоставлять и осмысливать, в том числе языковые явления.

Однако, особенности организации обучения иностранному языку в вузе нефилологического профиля, зачастую, сводят к «нулю» усилия преподавателей и студентов [3]. Преподавателю необходимо в условиях такого вуза особенно настойчиво искать пути

уплотнения при прохождении материала, способы отбора необходимого и достаточного лексико-грамматического минимума, активизации деятельности всех студентов. Необходим более тщательный подход к отбору учебного материала и методов преподавания в неязыковом вузе, учет возрастных особенностей обучающихся, то есть тех требований, которые студент, будучи взрослым человеком, объективно предъявляет к учебному процессу.

В частности, при управлении учебным процессом, постоянно включать студентов в процесс целеполагания в работе должно стать правилом, так как студенту необходимо четко представлять перспективы не только к концу изучения иностранного языка в вузе, но и на каждом отдельном этапе процесса обучения [2]. То есть, принимая во внимание при обучении добровольный характер работы взрослого учащегося, конкретность, безотлагательность задач, которые он ставит перед собой, необходимо постоянно знакомить студентов с учебным планом.

Индивидуальный учебный план выполняет в системе высшего образования следующие функции:

- компенсационная (компенсация запаздывающей учебной динамики обучающегося),
- оптимизационная (обеспечение оптимальных условий для обучающихся, обладающих индивидуальными интеллектуально-психологическими особенностями),
- адаптационная (адаптация обучающихся, не способных в силу объективных причин освоить тот или иной курс),
- функция интенсификации (обеспечение более высокого темпа усвоения того или иного курса),
- функция расширения содержания образования (введение в содержание углубленных курсов),
- функция обеспечения учебной мобильности (за счет привлечения сетевых кадровых ресурсов),
- здоровьесберегающая (уменьшение непродуктивной нагрузки на обучающегося) [4].

Игровые технологии [1] формируют такие ключевые компетенции, которыми должен обладать каждый член общества, (общение, умение работать с другими, умение учиться и совершенствоваться), а также обобщенные предметные умения (умение решать те конкретные задачи, которые будут возникать в жизни, например, понимание иноязычной речи).

Основными этапами обучающей ролевой игры являются: выдвижение и обсуждение идеи относительно коммуникативной ситуации (обязательным элементом ролевой игры является решение проблемной ситуации), набора ролей и примерного хода и правил предстоящей игры; распределение ролей и определение содержания (сценария) ролевой игры; подготовка комплекта игровой документации (опознавательные знаки, эмблемы, плакаты); индивидуальная подготовка каждого обучающегося к предстоящей игре; проведение ролевой игры; подведение итогов.

Традиционно применяемые в вузовской практике формы организации обучения с их упрочившейся структурой не могут в полной мере удовлетворить потребности обучающихся в новых знаниях, в разносторонних познавательных интересах; обеспечить формирование творческой личности, реализацию духовных и профессиональных потребностей.

Студенты эффективнее овладевают способами решения проблемно-ситуативных задач с помощью заданий интерактивного коммуникативного характера, стимулирующих речевое мышление и взаимодействие участников.

Данные задания используются как средства коммуникативно-ориентированного обучения иностранному языку, например, задания в форме коммуникативных деловых игр и «круглых столов», имитирующих реальное деловое общение, создающих информационное неравенство между участниками [1].

Качественно новая подготовка выпускников, формирование их творческих способностей и творческого мышления, готовность к рационализаторской и изобретательской деятельности является основным ориентиром и индикатором профессиональной пригодности современных форм обучения.

References:

- [1] Запесоцкий А. Какого человека должна сформировать сегодня система образования? // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 45-60.
- [2] Колесникова И.Л., Алтарева С.А. Технологии разработки учебных программ по иностранным языкам // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. Пособие для учителей, аспирантов и студентов. СПб.: КАРО, 2008. С. 18-30.

- [3] Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвину-
тый курс: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: АСТ: Аст-
рель, 2008. С. 20-36.
- [4] Титова, О.А., Головина, И.В. Школьное образование: стандарты и ин-
новации [Текст] // Роль университетов и музеев в проведении гума-
нитарных научных исследований: Мат-лы VI Международной научно-
практической конференции. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
2011. С. 225-227.

COMPETENCE APPROACH STUDY A FOREIGN LANGUAGE
IN NOT LANGUAGE HIGH SCHOOL

*N. Muradova*¹

Abstract

In article the issue of competence-based approach of a learning of foreign language, essence of educational technologies of training in a foreign language is touched, questions of use of language as means of communication are considered.

Keywords: competence-based approach, educational cognitive activity, the personal focused approach.

С тех пор как в человеческом обществе возникла необходимость в обучении иностранному языку, появилась и задача поиска эффективных путей достижения этой цели. В наше время эта проблема приняла поистине глобальный характер: вопросами обучения иностранному языку занимаются практически во всех странах мира.

Студенты неязыковых ВУЗов не заинтересованы в изучении иностранных языков и в большинстве случаев ведут себя пассивно на занятиях и при выполнении домашних заданий. В связи с этим преподавателю необходимо создать благоприятные условия усвоения языка, к которым относятся относительно высокая значимость целевых установок и умеренные трудности процесса усвоения. Преподаватель должен убедить студентов в том, что изучение иностранного языка необходимо для успешности их профессиональной деятельности в будущем, то есть необходимо сформировать у них потребности в изучении иностранного языка. В данном случае говорят о «личностном смысле» предмета изучения в структуре мотивации. Субъект прогнозирует реальные последствия овладения иностранным языком для дальнейшей жизнедеятельности в плане перспектив своего развития. Для неязыковых ВУЗов характерно сочетание низкого уровня притязаний и потребностей во внешних стимулах со стороны студентов с

---

¹Nasiba Muradova, Department of Foreign Languages, Tashkent Financial Institute, Uzbekistan.

более высокой регламентации учебных действий со стороны преподавателя.

Разрабатывая содержание обучения, стоит учитывать и то, что содержание каждого учебного предмета является органичной частью содержания образования в целом и поэтому должно способствовать достижению общих образовательных целей (наряду с формированием некоего объема знаний, умений, навыков оно должно обеспечивать возможность развития учебно-познавательных умений у обучаемых, формировать у них способности к самостоятельному мышлению, постоянному обновлению знаний и их обобщению, умения мыслить системно, выходя за узкие рамки содержания конкретного учебного предмета при решении комплексных практических задач).

Современная практика совершенствования иноязычной подготовки обучающихся всех уровней находится в центре внимания психолого-педагогической науки. Исследователи выбирают различные педагогические подходы к реализации этой цели. Одним из перспективных на современном этапе многие исследователи считают компетентностный подход.

При обучении иностранному языку используются следующие образовательные технологии:

-Технология коммуникативного обучения – направлена на формирование коммуникативной компетентности студентов

-Технология разноуровневого (дифференцированного) обучения – предполагает осуществление познавательной деятельности студентов с учётом их индивидуальных способностей, возможностей и интересов, поощряя их реализовывать свой творческий потенциал.

-Технология модульного обучения – предусматривает деление содержания дисциплины на достаточно автономные разделы (модули), интегрированные в общий курс.

-Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) – расширяют рамки образовательного процесса, повышая его практическую направленность, способствуют интенсификации самостоятельной работы студентов и повышению познавательной активности.

-Проектная технология – ориентирована на моделирование социального взаимодействия обучающихся с целью решения задачи, которая определяется в рамках профессиональной подготовки студентов, выделяя ту или иную предметную область.

Реализация компетентностного подхода с использованием перечисленных технологий предусматривает активные и интерактивные формы обучения, такие как деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, коллективная мыслительная деятельность, дискуссии, работа над проектами научно-исследовательского характера и т.д.

Самой естественной и продуктивной формой практики свободного говорения для изучающих иностранный язык является групповое обсуждение проблемы в процессе взаимного обмена мнениями, другими словами, дискуссия. Участие в дискуссии вызывает у обучаемых готовность изложить свою позицию в наиболее яркой, убедительной форме, найти такие слова и выражения, такие аргументы, которые бы наиболее полно отражали их нравственную позицию – и все это на иностранном языке. Этим определяется огромная ценность дискуссии в процессе его изучения.

Что касается игры, то в ней, в данном случае, в деловой – все стороны равны. По аспекту языка игры делятся на: фонетические, лексические, грамматические, синтаксические, стилистические; по виду речевой деятельности: обучение аудированию, обучение диалогической и монологической речи, обучение чтению, обучение письму; по форме проведения: предметные, подвижные с вербальным компонентом, сюжетные, ролевые, игры-соревнования, интеллектуальные игры, игры взаимодействия; по способу организации: компьютерные, письменные, устные, имитационные, креативные; по сложности и длительности; по количественному составу участников: индивидуальные, парные, групповые, командные, коллективные; по целевым ориентациям: дидактические, воспитывающие, развивающие, социализирующие.

Ролевая игра позволяет учитывать возрастные особенности учащихся, их интересы, выступает как эффективное средство создания и развития мотивов к иноязычному диалогическому общению, способствует реализации личностно-ориентированного подхода в обучении иностранному языку, когда в центре внимания находится обучающийся со своими интересами, эмоциями, переживаниями, потребностями. Моделирование такого рода ситуаций позволяет приблизить речевую деятельность к реальной коммуникации, возможность использования языка как средства общения, актуализируя как вербальные, так и невербальные средства общения. Тем самым ролевая игра обеспечивает реали-

зацию общего методического принципа коммуникативной направленности обучения иностранному языку.

Такой подход позволяет вовлечь большинство студентов в совместную деятельность по достижению поставленных целей, активизировать речевую активность обучаемых, испытать позитивно-эмоциональное состояние от познавательного общения, осознать необходимость достижения и вступления в познавательное общение, понизить уровень тревожности и снять психологические барьеры при порождении иноязычной речи.

Необходимо понимать, что изучаемый язык – это не просто набор слов и правил, а пространство со своими оттенками, цветом, запахом, образами. Не следует замыкаться на правилах, а нужно просто говорить и не бояться допустить ошибки. Пусть сначала их будет много, но основная задача – говорить, а уже после – говорить правильно. Само изучение языка со всеми его глубинами и красками будет, постоянно тормозится, если вначале разбавить всю его палитру сводом правил. Не стоит бояться ошибок, пусть в общении правит свобода. Нужно задумываться – что сказать, а не как правильно. Однако известно, что овладеть иностранным языком – значит научиться мыслить на этом языке.

References:

- [1] Леонтьев, А.А. Педагогическое общение [Текст] / А.А. Леонтьев. М.: Знание, 1979. 48 с.
- [2] Языкова, Н.В. Вопросы подготовки учителя. Цели и содержание методической подготовки студентов пед. факультетов ин. языков [Текст] / Н.В. Языкова // Иностранные языки в школе. 1995. № 3. С. 38.

PRAGMATIC ASPECT OF TRANSLATION GENRE OF TUYUQ

Z. Shukurova¹*Abstract*

The aim of this article is showing the ways of translation of tuyuqs, one of the shortest form of classical poetry on the basic interpretation Alisher Navoiy's some tuyuqs. Showing methods recreation rhymes which are formed by usage of homonyms, verifying the merit of loosening cognitive dissonance. On the basis of our interpretation we notify the following thesis: The ST and TT are similar but not the same. The TT is close to the ST in its form semantics are of usage of words, but differ in the usage of rhythm as theris no such poetic rhythm (arooz) in English.

Keywords: rhythm, pragmatic, cognitive, dissonance.

Четверостишие туюг – известный лирический жанр в классических тюрко-язычных литературах, обычно писалось одним из размеров аруза с системой рифм ааба, реже абвб, в исключительных случаях – аааа, с игрой слов в рифме (таджнис). Впервые сведения о туюге как о литературном жанре, приведены в трактате по просодии Алишера Навои «Весы размеров» (конец 15 в.). В частности, Алишер Навои отмечает, что тюрки отличается от персидско-таджикского языка обилием многозначных слов в словарном составе, что дает возможность использовать в стихотворчестве таких поэтических приёмов как, таджнис, ийхом, туюг, основанные на игре слов. [1, 179]

Как тюркская поэтическая форма, туюг охарактеризован также Бабуром в его «Трактате об арузе» (начало 16 в.). По сведениям Бабура, «туюг, образуется постепенным приспособлением древнетюркского народного песенного размера одному из размеров аруза, а именно, “рамали мусаддаси солими максур”, парадигма которого:

---

¹Zilola Shukurova, Senior Researcher of Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan.

фоилотун   фоилотун   фоилон (или фоилун)

- v - -   - v - -   - v - .[2,162]

Первый переводчик туюгов Алишера Навои на русский язык начала XX века А.Н.Самойлович охарактеризовал жанр так: форма туюга восходит к устным народным четверостишиям, основанных на намек и легкую иронию; со временем приобретающая приём “таджнис” из арабо-персидской литературы”. [3,14]

Следовательно, можно сказать, что именно этот близкий фольклорному слогу размер, и открыл возможности выразить лирические переживания с юмором, основываясь на игре слов, что отличает жанр от кыгъа и рубай.

Серьезные исследования туюга как литературного жанра начинается со второй половины XIX-го века и продолжается в XX веке. (Ф.Е.Корш, Е.Гибб, П.М.Мелиоранский, А.И.Самойлович, Ф.Купрудузда, Х.Зариф, И.В.Стеблева, Б.Валиходжаев, Н.Маллаев, Р.Орзибеков, А.Багиров и др.).

В частности, Р.Орзибеков отмечает, что Навои искусно использовал все разновидности жанра: тажниси мафрук(разделенный таджнис), тажниси мулафтак(сочетание компонентов таджниса). Также он излагает выводы о самом распространенном виде жанра: 1) независимое, целостное произведение, состоящее из четырех строк; 2) рифмуется в основном –а,а,б,а иногда –а,а,а,а; 3) композиционный строй как и в рубай в 1-строке тезис, во 2-второй антитезис, 3-строка –суть туюга и 4-строка синтез; Однако, в отличии от рубай, пишется предельно одним размером и омонимичные слова в конце строк должны служить раскрытию поэтического смысла. [4,88]

Своеобразие жанра требует особой подготовленности от переводчика. (об этом упоминается в работах Г.Саломова, С.Иванова, Г.Гофуровой.) [5,115]

Именно поэтому русские переводчики туюгов Навои А.Н.Самойлович и С.Н.Иванов старались интерпретировать свои переводные варианты. А.Н.Самойлович указывает количество туюгов Навои 16 и интерпретирует всех использованных им в переводе омонимичных слов. (В рамках данной статьи не будем останавливаться в подробностях переводов А.Н.Самойловича.)

Однако, “Сокровищница мыслей”, (последний, четвертый диван) включает 13 туюгов, 11 из них переведены С.Н.Ивановым, в размере семистопного ямба, с разбивом после каждого четвертого слога: 15-слоговой (женской рифмой) и 14-слоговой (мужской рифмой), которые вошли во второй том десяти томного издания произведений Алишера Навои на русском языке (1968 г.). Переводчик разработал следующие принципы перевода данного жанра:

- воссоздать форму и содержание туюга в переводе;
- избранные для рифмы слова – омонимы могут быть коренными или составными;
- в рифмованных словах сохранить тонкий поэтический намек, степень комизма;
- по мере возможности не увеличивать количество слогов в строке (если иметь в виду среднюю длину слов в русском языке, протянутых по отношению к узбекским, то естественно, количество слогов в строке должно быть больше чем в оригинале.). [6, 197]

Следовательно, можно сказать, что не овладевая теоретической базой жанра, сложного по форме, невозможно воссоздать прагматический потенциал туюга в переводе.

Однако, в последующие 50 лет переводами туюгов Навои никто не занимался. В годы Независимости Республики Узбекистан, начался некоторый сдвиг и в данной области. Непосредственные переводы лирических жанров Алишера Навои на английский язык были осуществлены К.Маъмуровым, Л.Кметюк, Д.Султановой.

В частности, жанр тюркского туюга впервые был переведен на английский язык Д.Султановой. В данной статье впервые попытаемся рассмотреть вопрос о прагматической ценности переводных репрезентаций на русском и английском языках одного из туюгов Навои и определить степень когнитивного диссонанса между ТО и ТП.

Ниже в таблице приводим ТО, ТП-1 (перевод на русский язык С.Иванова), ТП-2 (перевод на английский язык Д.Султановой):

Жавр ўкин жонимга сокий ёзмади	Стрела обиды в грудь впиалась и сердце мне задела	O wine server with blows of mischief me not moved,
Васл жомидин хуморим ёзмади.	Едва утихнувшая страсть опять взялась за дело.	And my long for beholding lover wasn't down moved.
Килки кудрат сабз хатлар ишкидин	Так предначертано судьбой: мы страстью рвемся к юным	I wished enjoy the love soaked with taste of her lips,
Ўзга иш олимга гўё ёзмади	А до других –кто не любим –влюбленным что за дело?	But that desire of mine by my fate made off moved.

По В.Н.Комиссарову, прагматическое воздействие перевода определяется тремя факторами: 1) содержание высказывания; 2) характер знаков, составляющих высказывание; 3) тип рецептора. [7, 137]

Суммируя научные выводы и переводческий опыт по данному жанру и опираясь на собственные анализы всех 13 туюгов Навои, попытаемся сформулировать общую схему анализа содержания и формы текста, предопределяющих прагматический потенциал перевода:

- а) ограниченность тематического поля туюгов;
- б) описание лирическим героем внешности, поведения, жестов и т.п. одного из коммуникантов;
- в) своеобразии способа повествования. При этом, нужно учитывать национально –ментальные черты, отраженные в жестах, мимике;
- г) контекстуальное значение тройной омонимии следует раскрыть по их эмоциональной окрашенности;
- е) коммуникативную цель туюга можно определить через интерпретацию омонимов в конце строк.

Итак, обращаем внимание на ТО туюг с риффом “ёзмади”(не отметил):

на основе игры слов легкий намек на недовольство своей судьбой лирического героя. В функции рифмы –отрицательная форма узбекского глагола “ёзмоқ”, использованная в трёх значениях:

- 1) *не суждено* (Богом, любовные испытания на мою долю)
- 2) *не прошло* (у меня чувство пристрастия к чаше любви).
- 3) *не развернула как будто* (мощь перо предо мной ничего, кроме начертания страсти любви к нежным пушкам над губами красавицы).

Нужно отметить, что одним из продуктивных грамматических приёмов воссоздания формы туюга является отрицательная форма глагола. У Навои таких насчитывается 3.

Как отмечает И.В.Арнольд, “отрицательные конструкции более впечатлительны, относительно подтвердительных и еще сильнее усиливают волнение”. [8, 167]

Таким образом, можно подтвердить, что перевод осуществлен по принципу третьего типа прагматической адаптации, то есть переводчик старался передать не сказанное буквально, а подразумеваемое. При этом сохраняет форму высказывания.

Благозвучие оригинала (эвфония) достигается повтором звонкого согласного[ж], гласные звуки [о] и[ё] выражают сожаление, огорчение.

В процессе сопоставительного анализа данного туюга выявлены следующие соответствия / несоответствия переводов с текстом оригинала:

В ТП-1 использован 15 слоговый семистопный ямб, в результате чувствуется растянутость ритма. План содержания несколько изменен, выражение недовольства преувеличивается. Однако, степень комизма сохраняется. Переводчик сумел воссоздать форму туюга, используя в одной строке прошедшее время глагола (*задела*), во второй и четвертой строках словосочетание “за дело” в двух разных значениях, создавая омографическую рифму.

Жавр ўқи – стрела обиды: метафора воссоздается

хуморим ёзмади – страсть взялась за дело: метафора “васл жоми” утеряна, смысл верно передан лексической заменой (страсть), при этом воссозданы игра слов и омония;

соқий – судьба: известный поэтический образ восточной лирики (виночерпий) употребляется в прямом смысле;

, **ўзга иш ёзмади** – что за дело до других: воссоздана русской фразой подразумеваемое в ТО;

, **сабз хатлар ишқидин** – страстью рвемся к юным: лексическую замену образной метонимии “нежный пушок” со словосочетанием “к юным” можно объяснить как ассоциации семы “сабз”, означающей молодая, свежая (трава). Переводчик умышленно пропускает данную метонимию, не характерную для восприятия рецептора переводимого языка.

В ТП-1 использованы ассонанс [a], [e], аллитерация [c], [з], повтор (задела, за дело), обеспечивающие музыкальность туюга.

ТП-2 количество слогов увеличивается на два, форма туюга воспроизводится, сохранена рифмовка, план содержания приближается к ТО, план выражения идентичен оригиналу. Применены приём аллитерации повтором сонорного звука [L], для представления состояния лирического героя используется заднеязычные гласные звуки [a], [e], дифтонг [ou], что обеспечивает близость духу ТО.

Таким образом, можно подтвердить, что ТП-1 и ТП-2 соответствуют прагматическим нормам перевода:

–в ТП-1 и ТП-2 воспроизведены план содержания и план выражения данного туюга;

–ТП-1 замечается растянутость, а ТП-2 приближается к метру оригинала;

–в ТП-1 и ТП-2 сохранена степень восточного юмора;

–для воссоздания благозвучия оригинала использованы фонетические средства русского и английского языков;

–в создании омонимичных слов С.Иванов использует различные формы глагола, имени прилагательного словосочетания, Д.Султанова вместо многозначных слов рифмует фразы, состоящие из одного слова.

Таким образом, прагматический аспект перевода обеспечивает идентичность восприятия рецептором как текста в целом в плане содержания, так и отдельных формальных сторон жанра. И перевод данного интереснейшего жанра требует от переводчика особого внимания, знания языковых тонкостей. В данном случае, прагматическая ценность ТП-1 и ТП-2 равноценна ТО.

References:

- [1] Навоий, Алишер, Асарлар, 15 томлик, 14 том. Б.179.
- [2] Бобур.Танланган асарлар. ЎзФАН, Тошкент, Б.162.
- [3] Самойлович А.Н. Четверостишие туюги Навои.// Мусульманский мир СПб.,1917. вып.І.-С.10-22.
- [4] Орзибеков Р. Ўзбек шеърляри жанрлари.//Ўқув кўлланма -Самарканд, 1998, 144б.
- [5] Саломов Ф. Таржима назариясига кириш. Т.: Ўқитувчи, 1978. 115б
- [6] Иванов С. Туюқнинг қуюқ маъноси / Таржима санъати: Мақолалар тўплами. 5-китоб. Т.: Адабиёт ва санъат нашриети, 1980.

- [7] Комиссаров В.Н. Современное переводоведение 2-е изд.,испр. М.: Р.Валент, 2011. 408 с.
- [8] Арнольд И.В. Стилистика английского языка. М.,1966. 346 с.

THE SYMBOLIC-ALLEGORICAL SHAPES
IN HOMILIES SULKHAN SABA ORBELIANI

M. Khandzhalashvili¹

Abstract

The collection of "Sermons" of the great Georgian writer Sulkhan Saba of Orbeliani ranks high in his creativity. The writer uses in the collection methods a symbolical and allegorical method of "Scripture". His allegorism can be several types, in particular, the facts, bible characters, moralistic and subject which the preacher uses purposefully by means of judgment of persons of Shabby and New Precepts. According to Saba if the phenomenon is connected with the fundamental principle, as the person, then the true phenomenon of the person, won't be able to reach fundamental principles of the person therefore judgment has to happen to the help of persons and icons. The author of article pays attention to a little symbolical and allegorical interpretation and the paradigms listed in the work. Among them paradigms of church, spiritual wisdom, a sin, the Gospel and Noah's Ark are interesting.

Keywords: Sulkhan-Saba Orbeliani, a sermon, an allegory, the "Old Testament", "New Testament" church, heaven, sin, Noah's Ark, a symbol.

Сулхан Саба Орбелиани (1658-1725) в своем сборнике проповедей «Учение» использует «Священное писание» методом символическо-аллегорической интерпретации.

В его «Проповедях» видна тенденция художественного восприятия «Библии»

Его аллегоризмы нескольких видов:

- 1) Аллегии фактов и событий,
- 2) Аллегория библейских персонажей,
- 3) Предметная аллегория,
- 4) Аллегии морального характера.

---

¹Marina Khandzhalashvili, Doctoral, Faculty of Humanities, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

Эти четыре вида служат одной цели: осмысление лиц и явлений «Ветхого Завета», как пралица и явления «Нового Завета»

В одной из проповедей Саба пишет:

«Лицо Старого закона было лицом Нового закона: также как художник впервые нарисовал тень иконы, а затем исполнил ее в цвете»

Таким образом, «Ветхий Завет», «Новый Завет», прототипы «образов», или лица-символы.

Саба сравнивает «Ветхий Завет» с контуром, исполненным художником на иконе с тенью, а «Новый Завет» с цветовой гаммой исполненного художником рисунка.

Безусловно, что для автора «Ветхий Завет» указание, тень событий будущего, а «Новый Завет» – исполнение, восстановление истинного лика.

Слово «тень» в этом случае не упоминается и должно иметь значение «аллегории», тем паче, что этот термин мы встречаем у апостола Павла и у других святых отцов, т.е. «тень» специальный термин, который используется в отношении лиц «Ветхого Завета» и принадлежит к ряду таких терминов, как «аллегория», «лицо», «басня», «таинственные тени».

У Сабы встречаем также термин – «икона».

В этих суждениях Сабы для нас интересен тот факт, что «лик», «басня» или «аллегория», или «лики» представляют сущность явлений.

Саба приводит в своих проповедях реальные, жизненные примеры. Следует отметить, что к этому методу прибегал сам Иоанн Златоуст в своих пастырских произведениях.

Он учитывал уровень подготовки паствы, его расположение и его жизненные примеры сопоставлял с библейскими явлениями и достигал чудесного эффекта.

Можно сказать, что проповеди целиком построены на последовательности таких изображений.

К каждой мысли, к каждому положению Саба, в качестве иллюстрации дает пример, взятый или из библейских источников, или из жизни.

«Проповеди» Саба задумал как сборник по христологическому руководству, или как учебник. Первая же проповедь объясняет нам сущность церкви.

Это и не удивительно, так как означенный сборник был предназначен для того, чтобы научить христианский церковный приход о назначении церкви.

В проповеди «Учение о церкви, или сути ее» полностью основана на выше перечисленную личностную систему.

Мы постараемся, выяснить суть церкви, ее лицо-символы.

Что представляет собой церковь в проповедях святых отцов?

Церковь есть: «Дом Господень», «тайное тело Христово» («тело»), «лик Господень», в церкви царствует «Иисус Христос», «церковь – лицо, видимое в невидимом мире», «корабль, на котором верующие, живущие в жизненном водовороте плывут в тихую гавань», «духовная лестница», «лицо второго пришествия» и т.д.

В общем, церковь греческое слово и означает призыв или зов.

«Церковь Дом Господень и установленное Богом общество людей, которых объединяет вера» (Г. Кенчошвили. – Символы в христианском искусстве).

Проповедь начинается словами Соломона Мудрого:

«Блажен человек, который просыпается у ворот передо мной и смотрит на мой порог.»

Автор задает вопрос:

"Где врата его, братья, где предстать нам перед его порогом?" (стр.21)

Этими словами Саба переносит внимание читателя к переоценке символического переосмысления Соломона, чтобы глубже понять его аллегорический смысл.

Соломоновы «врата» и «порог», символизируют церковные врата и церковный порог.

Символизирует тех – *«кто всегда должен быть у дверей церкви во имя будущего»*, – и достоин блаженства.

Автор разъясняет, что в соответствии со словами Соломона, Бог призывает людей к церковной жизни, чтобы они получили царство блаженства.

После того, как Саба разъясняет нам церковных прототипов «Ветхого Завета» и дает им символическо-аллегорическое толкование.

«Налил Бог Рай на Эдэм, поставил там Адама и оповестил его, сказав ему, что еду с райских деревьев есть нельзя, ибо они олицетворяют суть добра и зла».

Рай представлен прототипом церкви, а «всяческие райские плоды», Господь разрешил Адаму и Еве есть плоды от всякого дерева в саду, кроме плодов от дерева, которое называлось деревом познания добра и зла и прототипом Евангелия, которое должны «слушать, понять и принять как пищу духовного разума».

Запрещенный Богом плод греха – символ.

Человек должен отказаться от всего того, что запрещено Богом, нельзя не только видеть плод греха, но даже прикоснуться к нему.

«А посторонние и мирские слова и побуждения, в которых видны поедания запретных плодов райских, не схороним в сердцах, которых касаемся» – повествует проповедник.

«Посторонние и мирские слова и побуждения» должны изгнать, чтобы грех не подчинил нас, что запрещенный Богом плод есть «фрукт непослушания», желание – «погребение сердец».

Саба учит, что мысль о греховном желании, равносильно греху. Акт входа человека в Рай, согласно Сабы, можно так представить:

Бог дал людям Рай (церковь) для того, чтобы собраться вместе, и в то же время установил им, чтоб постигали они божественную мудрость

(«Райские плоды»), служили истине, которая суть есть само Евангелие, а о грехах и мыслях о них («Вселенское слово», «плод запрета»), даже в сердцах не думали.

«Из Рая выходит одна река»-продолжает проповедник-«которая разделяется на четыре рукава...Это лицо Святого Евангелия....которое орошает каждую часть земли.»

Вышедшие из церкви четыре главы Евангелия (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна) прольет на землю божественную истину.

Кто «слышит заповеди Божьи» и «фрукты земные», не съест их, он попадет в небесный рай, «где вечное бессмертие».

Если подпадем в рабство к дьяволу, также как Адам и Ева впади в рабство змеи и «заботами мирского разума» съедим «запретный плод», не избежать нам вечных страданий.

Здесь видно великое значение Евангелия. Оно внушает людям, чтоб они не утонули в водовороте греха.

Здесь же встречаем еще одну парадигму, рассмотренную Сабой.

Это Ноев ковчег, как переосмысление прототипа Церкви.

«Вослед за Церковью был Ноев ковчег... Как взошел Ной на ковчег, и не внял никто словам Ноя, кроме семи домов его, и пришел потоп и все потопил, кроме Ноя и его домочадцев.» (стр.22)

Лицо-символ Ноева ковчега, как выражение Церкви моралистического характера, в отличие от выше рассмотренных лиц Церкви и Рая, выше церкви и типы Рая, которые стремятся показать читателю божественную истину.

Ной включил в состав ковчега «семь домов» (семейств), которые аллегорически выражают семь сущностей человека:

«Ты тоже однажды войдешь в Церковь, с «семью домочадцами» твоими: сердцем -разумом, словом, глазом, ухом, языком, телом и запахом.»

Человек все эти заповеди должен отчуждать от земных страстей.

Как Ною грозила гибель от наводнения, так и человеку грозят «буйства земные».

Как Ной нашел приют в ковчеге, также и человек должен найти приют в церкви.

«Стремись к церкви, как Ной стремился к ковчегу».

Здесь же ворон, которого Ной отпустил и лицо-символ изгнания черта, а голубь с оливковой ветвью, олицетворяет собой Святого Духа.

Лица-символы в «Учении» Сабы неисчерпаемы. Как видим, надуманное им- это попытка показать духовную сторону «Священного Писания»

Он опирался на существующую на грузинском языке богословскую литературу, на памятники духовной литературы, которые он исследовал по-научному.

References:

- [1] Каландаришвили Э. Христианская проповедь и гомилии Сулхан-Саба Орбелиани, кафедра христианской культуры Тбилисского государственного университета, 2005 г.,
- [2] Сулхан-Саба Орбелиани. Произведения., Том III, Тб., 1963 г.,
- [3] «Новый Завет и Псалтирь», Стокгольм., 1992 г.

HOUSEHOLD PSYCHOLOGICAL PRINCIPLES
IN THE WORKS OF NODAR DUMBADZE

I. Ardzhevanidze¹

Abstract

Nodar Dumbadze was able to describe the deep inner world of man. He udeliyaet attention to issues such as the time and the perception of the person in Georgian literature. His characters carry with them the function of the inner psychology.

Keywords: psychology, personality, history, philosophy, psychological analysis, psychology, epoch, general psychological theory.

Психологизм в литературных произведениях – это детальный анализ с точки зрения историко-сравнительных, философских и психологических методов, к этому добавляются художественная интерпретация, исследование мировоззрения писателя и получаем детальный анализ произведения.

Филологическое, в частности литературное исследование, его детальный анализ, требуют рассмотрения нескольких предпосылок с учетом исторических, философских и психологических факторов.

Исторические предпосылки охватывают осмысление исторически существующей эпохи, в той в которой живет писатель, или где создается произведение и, вдобавок дается анализ той эпохи, о героях которой создан роман, рассказ, стих или создана поэма.

На указанную выше предпосылку логически опирается следующая философская предпосылка.

Она обсуждает, какого мировоззрения то общество, в лоне которого создано произведение.

Исследует мировоззрение писателя, так как это последнее тесно связано с мировоззрением героев произведения.

Формирование третьей – психологической предпосылки, связано с психикой людей, живущих в процессе создания произ-

---

¹Irina Ardzhevanidze, Doctoral, Faculty of Humanities, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

ведения и то, какой психики сам писатель – его создатель и какие психологические характеристики характеризует героев его произведения.

В случае лирического произведения, исследование проходит между

строкой и строфой, на фоне анализа существующего высказывания.

Определение психологических нюансов между лирическим героем и писателем – это определение вероятного расстояния.

Оно протекает по мере возможности, на фоне внутреннего состояния и духовности писателя.

Осмысливаем и то, кем являются в личностном плане Нодар Думбадзе и его персонажи.

Аналитическое понимание художественной обертки, в каком-то роде трансформируется в ценности в увиденных выше перечисленных предпосылок.

Исторические, философские и психологические предпосылки определяют действие тех механизмов, с помощью которых мы входим в генетическое происхождение героя произведения, в его корни, и раскрываем закрытые слои, которые отождествляют литературного героя, произведение, это или то лицо, факт, персонажей, символы.

Литература – это совокупность прозаических, поэтических и драматических произведений того или иного народа, эпохи или всего человечества, вместе с культурно-историческим фоном, способствовавшим созданию этих произведений.

В нашем случае, в частности мы ведем речь о грузинской литературе XX-го века и о психологических штрихах в творчестве Нодара Думбадзе (1928-1984).

Считаем, что такое осмысление дает нам основание обратиться к исследованию понимания причин целей высказываний литературными героями писателя, и методологически обосновать, что существующие главные постулаты не смогут избежать вызова вышеперечисленных предпосылок.

Литературный процесс – это живой исторический процесс.

Это оживленная дискуссия проливает свет на каждое звено этой живой цепи и делает ясным детальный анализ произведения.

Великий французский философ-позитивист, эстетик, писатель, историк и психолог, создатель культурно-исторической школы в искусствознании. Ипполит Адольф Тэн (1828-1893) говорил:

«Для познания произведений искусства, художника или группы художников необходимо полностью понять мировоззрение и обычаи той эпохи, к которой они принадлежат. Там мы найдем все объяснения. Там мы найдем первопричину, которая объяснит все остальное». (И. Тэн, 1989, 11)

Литература и психология, в некотором роде, являются конкурентами.

Литература и психология изучают личность двумя различными методами.

Литературный метод – это метод искусства, метод психологии же – научный метод.

Это два принципиально отличающихся друг от друга подхода – ни один не лучше другого. У каждого из них свои преимущества и свои сторонники.

Можно сказать, что Нодар Думбадзе, при характеристике личности использует бытовые психологические принципы.

Этот метод описал при написании *«Литературной трактологии»* Теофраст, ученик Аристотеля.

Теофраст две тысячи лет назад использовал тот метод, который психологическая наука открыла лишь в XX-м веке.

Это метод обнаружения основных характерных черт – создание соответствующей ситуации, вызов и описание соответствующего поведения.

С того дня, как она была сформирована как независимая наука, и до сегодняшнего дня психология представляет арену споров для существенно обособленных точек зрения.

Общеприемлемой, единой психологической системы пока еще не существует.

В настоящее время, психология опирается на категории восприятия, невосприятия, и поведения личности.

Нодар Думбадзе глубоко всматривается в социальные события, в нутро внутреннего сопротивления и отражает типичный характер общественных сил в призме собственной личности.

Все художественные произведения писателя представляют субъективную и объективную целостность, поэтому они отмечены меткой эпохи и индивидуальностью писателя. Эта суть отмечена в персонажах.

Для определения типа характера героя решающее значение имеют не всеобъемлющие, обще-повторяющиеся черты, а типичные черты, в которых проявляется внутренняя природа человека.

В произведениях Нодара Думбадзе, путем выдвижения на передний план его духовности полностью показан человеческий характер, его отношение к самому себе и его расположение к окружающей среде.

Его творчество, внутренняя природа человека, его психика, глубокое проникновение в его духовный мир, использует для предначертания цели и новые художественные методы.

Личность всегда уникальна. Наука имеет дело с общим, а литература, в частности – с единицей.

У личности, по мнению Гордона Уилларда Олпота (1897-1967), американского психолога, разработчика теории черт личности, имеются обще-психологические, а также дифференциально-психологические аспекты. Дифференциальная психология имеет дело с конкретной личностью.

Любая проблема может быть решена как в обще-психологическом, так и в дифференциально-психологическом плане.

Ученый выделяет то, чему должна научиться психология у литературы:

1. В первую очередь, это стабильные и твердые признаки точек зрения которая используется в свою пользу писателями еще раньше, чем учеными психологами.

2. Второе, что следует уяснить психологии, по мнению Г.У.Олпота, это качественный, всеобъемлющий характер содержания.

3. В-третьих, психология должна заимствовать у литературы то, что должна сосредоточить внимание на индивидуальности, на конкретной личности, а в общем не на абстрактной личности.

Несмотря на такие заявления, Г.У. Олпот развивает обще-психологическую теорию.

Каждая личность создает уникальную систему личностных черт со своей структурой, мотивацией, энергетикой и др.

Нодар Думбадзе смог глубоко и до мелочей описать внутренний мир человека.

Он уделяет внимание таким вопросам, как восприятие времени и личности в грузинском литературоведении и его литературно-философское восприятие.

На его героев возложена функция светлого показа внутренней психологии человека

Писатель принес в редакцию журнала «Дружба народов» рукопись рассказа «Я вижу солнце».

В произведении есть такой эпизод: мальчик и девочка – Хатия и Сосоия идут в соседнюю деревню, чтоб поменять одежду на кукурузную муку. Это тяжелые, голодные годы войны.

Всем трудно и крестьянин Бабило, который даст им переночевать у себя, утром бесплатно дает им целый мешок кукурузы.

Редактором журнала была женщина. Она прочитала рукопись и сказала писателю:

«Нодар Владимирович, кто поверит, что крестьянин так за бесплатно дал кукурузу?»

Помню, вопрос меня озадачил. О данной проблеме я не задумывался.

Я знал, что Бабило по подсказке своей человеческой совести должен был разделить кусок детям, в конце концов, я хотел, чтоб он так поступил и потому я написал этот эпизод.

Я ответил редактору:

«Не знаю, может и не поверят, но если хоть один человек мне поверит, это будет очень хорошо»

Повесть напечатали. Много писем я получил, и не оказалось среди них ни одного не поверившего в это! (Н, Думбадзе, 1984, 194)

Это один из самых известных эпизодов творческого и художественного решения писателя, и еще раз доказывает, что Нодару Думбадзе, как писателю,

Произведения Нодара Думбадзе не оставляют впечатления жанровых картин; повсюду вся фактура художественной ткани подчинена основной идее произведений и способствует ее воплощению.

Лиризм и драматизм, неподражаемый юмор, комизм многих описанных ситуаций – все вместе служит выражению размышлений автора о противопоставлении добра и зла, праве человека на счастье и любовь.

References:

- [1] Н. Думбадзе., Впечатления, письма, выступления, Тб., 1984.
- [2] Н. Думбадзе., Избранные произведения, I, II, III, IV, Тб., 1989.
- [3] Л.Бочкова-Хвичия., Литературные этюды. Санкт-Петербург, 1995.
- [4] Норакидзе В., Природа психологии и художественная литература, Тб., 1972.
- [5] Тэн И., Философия искусства (на груз. яз.), Тб.,1989.
- [6] Чкоидзе Н., Баиашвили М., Современники о Нодаре Думбадзе, Тб., 2007.

THE WORLD OF THE FUTURE IN RAY BRADBURY'S CREATIVITY

Sh. Vakhtangishvili¹

Abstract

Ray Bradbury's novel – "Usher II" starts and ends with quotation from Edgar Allan Poe's short story "Fall House Usher". In Bradbury's stories Edgar Poe's artistic world gains symbolic function with other fantastic works and "horror" genre which are referenced in the text. This world, in fact, symbolizes all unrealistic, fairy-fantastic, the Gothic artistic cultural heritage which according to Bradbury, represents threat of modern consumer, standardized society disappearing. In this artificial world is doomed any attempt to reconstruct what is symbolized by "Usher house" demolition.

Stendhal- the main hero of the work, whose 50000 books were burnt, decides to get revenge against the ideology of the society, which promote consumerism, mass cultural trend and try to forget literary lies and world of artistic muses.

His idea-plan is following: Stendhal builds a copy of Edgar Allan Poe's story "Fall House Usher" and challenges sterile, pragmatic society who does not have any idea about Edgar Poe and etc. Mr. Stendhal hosts them with Edgar Allan Poe's fantastic characters and final judgment is made by them. They die by these characters. The main character is saved and as long as he is alive, hope will exist to save Poe's world.

Ray Bradbury attacks the censors, which tried to inculcate united, the middle-class standards, since the fifties in all areas of American arts. The main treat for the writer is the threat of conformist, consumer, mass culture supremacy in society.

Keywords: mass culture, symbols, American policy, censorship, culture and equipment.

---

¹Shorena Vakhtangishvili, Doctor of Philology, Department of Foreign Languages, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

В творчестве Рэя Брэдбери мы часто встречаемся с проблематикой маскультуры. Её произведение «Ашер II» органически переплетено с проблематикой маскультуры. Массовая культура, как известно, направлена на конкретную мысль. Например, на приятное, на благоустройство, на радость. Это иногда подразумевает и коммерческие термины. Эрик Марэ дал определение массовой культуре, как совокупность объектов в «мировой культуре». В 60-ых годах XX века произошло «кристаллизование массовой культуры в Мировую культуру». Например, произведения высокой культуры, как известно, проходят, как исторический, так и культурный фильтры. Функцией произведений массовой культуры является их реализация.

Рэй Брэдбери является великой фигурой среди современных писателей в жанре научной фантастики и общей фантастики. Хотя сам писатель отрицает связь с научной фантастикой. Его произведения широко известны в мировой литературе. «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери созданы в 1950г. Этот сборник печатался отдельно в разное время, и последний раз был напечатан под этим названием. Впервые произведение было напечатано в Соединённом Королевстве Великобритании. В сборник «The silver Locasts» внесены произведения фантастического жанра, объединённые в «Марсианских хрониках». В этот же сборник внесено произведение «Ашер II».

Следует отметить, что эта новелла органически не связана с другими новеллами, входящими в сборник. Название произведения вызывает ассоциации с известной новеллой «отца» фантастики – Эдгара Аллана По «Падение дома Ашеров». Как известно под влиянием По оказались, как его современники, так и американская проза XX века, например, техника По «иррационального иррационализма». Эта техника письменности широко используется в современной научной фантастической прозе. Этот способ используют писатели фантастики для научного определения психических сил и генетических мутаций. (Франк Герберт, Азимов и др.). Что касается романа Рэя Брэдбери «Марсианские хроники» – это сборник связанных между собой новелл, а не роман. Брэдбери был всегда новеллистом, а не романистом. Входящие в этот цикл новеллы представляют собой независимые оконченные произведения, большинство которых можно считать извлеченными из контекста. Несмотря на то, что Брэдбери старается связать между собой основные новеллы, у автора не всегда получается их ху-

дожественное объединение. Это также подтверждается фактом, что «Ашер II» был исключен из телевизионной версии «Марсианские хроники», т.к. эта новелла не имеет органической связи с другими произведениями этого цикла.

Таким образом, новеллы «Марсианские хроники» должны считаться «вариациями на тему», а не «главами» одного романа.

Брэдбери в своих письмах и интервью отрицает, что он является представителем жанра научной прозы ('science fiction'), и своим единственным произведением этого жанра считает «451° по Фаренгейту». (I'm not a science fiction writer. I've only written one book that's science fiction and that's «Fahrenheit 451» Branbury) [1.p.47]. Все его остальные произведения, включая «Марсианские хроники», согласно Брэдбери, принадлежат фантастическому жанру. «Mars is Fantastic, you see. It's not real, so it's fantasy (Bradbury)» [1.p.2].

Ранние новеллы писателя, которые опубликовывались в журнале «Weird Tales» принадлежали к жанру ужасов. Тональность новелл, входящих в «Марсианские хроники», варьирует соответственно, некоторые представляют собой элементы фантастики и «ужасов», а некоторые имеют басенно-параболистический характер. Надо отметить, что жанровая специфика произведений Брэдбери, а также *сordium* его художественного метода определяется синтезом жанровых и стилистических признаков научной, фантастической прозы и «ужасов».

Некоторые исследователи, например, Дж. Марк, считают, что художественный мир Брэдбери оказался под влиянием прозы По. Хотя надо отметить, что поэтика Брэдбери свойственно отличается от эстетической системы По. В его творчестве менее выражается мистицизм. Содержание, в отличие от По, связано не со сферой подсознательной психики, а с общими тенденциями, симптоматическими признаками реальности, которые имеют место в политической, социальной и культурной жизни Америки после Второй Мировой войны.

Конечно же, новелла «Ашер II», входящая в «Марсовы хроники» получила своё название не под влиянием По. Это тот же случай, как если бы утверждать, что известный роман Джеймса Джойса «Улисс» получил своё название под влиянием Гомера.

Использование и оживление героев, цитат, мотивов «готических» новелл Эдгара По является пародированием некоторого пассажи. Главной целью автора в «Ашер II», была не реинтерпре-

тация нюансов, а отражение Американской проблемы 1950 года в художественных образах. Автор перасно достиг своей цели, опубликовав известную новеллу «Ашер II».

Произведение написано в 1950 году. Действие происходит в 2005 году. Главным персонажем новеллы является Стендаль, который нанимает архитектора – мистера Бигелоу и заказывает ему построить точно такой же дом и сделать точную копию дома, который великий Американский писатель Эдгар По описал в своём маленьком рассказе «Падение дома Ашеров».

Вправду, архитектор мистер Бигелоу создал точную копию дома Ашеров: здесь всё вокруг отуманено и ужасно, вокруг дома сплошная темнота, стоит холодный октябрь, земля неплодородная, мёртвая и стерильная. Здесь царит гнилая, нарушенная, осквернённая, отвратительная атмосфера.

Бигелоу не может понять, почему мистеру Стендалю понадобилось строение такого дома. Так как имена Ашера и Эдгар По он даже не слышал. По рассуждению Стендаля, это невежество вызвано событиями 1975 года, которые сложились в Американской реальности. Книги Эдгара По, Готорна, Лавкрафта, Амброза Бирса и, вообще вся литература жанра «фантастики» и «ужасов» была сожжена на пламени.

Всё это с начала 1950 года было результатом начала цензуры на детективные книги, фильмы и т.д.

«Oh, it started very small. In 1950 and 60 it was a grain of sand. They began by controlling books of cartoons and then detective books and of course film, one way or another, one group or another, political bias, religious prejudice, union pressures... so they lined them up against a library wall one Sunday morning thirty years ago, in 1975» [2.p.5].

Свой план-замысел мистер Стендаль осуществил с помощью Бигелоу. Основной целью Стендаля являлось отомстить за уничтожение книг и идей. «Дом Ашеров» как раз с этой целью и построил Стендаль. Стендалю сожгли и уничтожили всю библиотеку, 50 000 книг. Во время беседы с исследователем морального климата – Мистером Геретом выражает протест из-за фетишизма и преобладания реализма. Для него более большой проблемой, чем уничтожение книг, является наличие такого общества, сознание которого устанавливает прагматическую, потребительскую ментальность.

Для вызова и мести такому обществу Стендаль и решается организовать мероприятие. Он приглашает в дом Ашеров членов общества по предотвращению фантастики. Гостей вместе с главным героем принимают герои и персонажи новелл Эдгара По. Наконец жители этого дома – сказочно-фантастические существа убивают всех гостей по отдельности.

Рэй Брэдбери данным пассажем выражает свою позицию против идеологов, которые устанавливают стандарты вкусов средних слоёв в государстве. Рэй Брэдбери выступал против цензуры, которая содействовала установке стандартов во всех сферах Американского искусства с 50-х годов. Конечно же, книги в Американской реальности никто не сжигал. Автор в своих произведениях предсказывает основу, которая будет сопровождать указанную цензуру. В тоже время, Брэдбери хорошо понимает, что цензура в этом случае является только одним частным симптомом более опасной тенденции, которая проявляется только в Американской реальности, а также в антикоммунистической истерии Сенатора Маккарта. Маккартизм для Брэдбери является самым ярким символом политических и социальных сил, которые содействуют становлению общих стандартов поведения, культуры, подавлению индивидуальной инициативы.

Для автора главной опасностью является установление конформистского потребительского общества, господство маскультуры. Эти тенденции явно отражаются в Американской реальности 1950 года. Такое общество Стендаль характеризует следующим образом: в таком напуганном обществе не остаётся места для героев По, всадника без головы, Белоснежки, королей и фей, любого литературного фантома и сказочных существ, созданных воображением и фантазией человека.

Брэдбери этим маленьким рассказом выступает против главной опасности общества, в котором воцаряются голый реализм воображаемого мира, устанавливается потребительское общество и маскультура, уничтожаются прекрасные литературные обманы и фантазии и «подавляется искусство обмана».

References:

- [1] Bradbury, Ray. *Timless stories for Today and Tomorrow* Bantam. 1952.
- [2] Usher II. // <http://Bradbury.ray.com>
- [3] Лоренс Д.г. «Эдгар Алан По» Книги. Эссе о классической американской литературе. Перевод Т. Котрикадзе Тб. 2004.
- [4] Atterbery B. *The Fabtasy Tradition in American Litriture* Bloomington: indiana University Press, 1980.

NITSSHEANISTIC MESSIANISM WITH GEORGIAN SIMBOLISTS

*N. Kochloshvili¹, T. Lapauri²**Abstract*

In this science – related work talking about Nitscheanistic Messianism implications in Georgian Symbolists creativity. The symbolists creative way determined to some extent in Europe and European-trained philosophers school involved Grigol Robakidze's factor. After Grigol Robakidze lecture series the Georgian symbolists interested in Nitscheanistic Messianism preaching, it interestingly reflected in their creative. In this regard, special interest of the Giorgi Leonidze, Sergo Kldiashvili, Sandro Tsirekidze and Titsian Tabidze miniature posture patterns.

Keywords: Nitsche, Messianism, Symbolisme, Blue horns, Miniature prose.

ეპოქას ეპოქა ცვლის და ყოველი ათასწლეულის დადგომასთან ერთად იცვლება ადამიანთა აზროვნება და შეხედულებები. დროის უღმობელ მარწუხებში მოქცეული ადამიანი მარადიული ტკივილიანი განცდით მიმართავს სამყაროსა და მის შემოქმედს და იბადება კითხვა, – რა იქნება ხვალ? ამ დროს მატერიალურთან ერთად უდიდესი მნიშვნელობა ენიჭება სულიერ განვითარებას, რომელიც ყველაზე ნათლად აისახება ხელოვნებასა და ლიტერატურაში. ალბათ, სწორედ ამ დროს, საუკუნეთა მიჯნაზე იბადებიან გამორჩეული, ფენომენალური ნიჭით დაჯილდოებული ადამიანები, რომლებიც ცვლიან ეპოქის მაჯისცემას. აი, ასეთ იშვიათ ფენომენად წარმოგვიდგენია ქართული სიმბოლისტური სკოლა.

XX საუკუნის დასაწყისში ქართულ სინამდვილეში გამოჩნდა ახალი ლიტერატურული მიმდინარეობა მოდერნიზმის სახით, სადაც სიმბოლისტური სკოლა წარმოდგენილი იყო „ცისფერყანწელებით“, რომლებიც კარგად იცნობდნენ მსოფლიო ლიტერატურას და

¹Nino Kochloshvili, Professor at Iakob Gogebashvili, Department of Georgian Philology, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

²Tsitsino Lapauri, Doctoral Student, Faculty of Humanities, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

ცდილობდნენ საქართველოში შემოეტანათ ევროპული კულტურისთვის დამახასიათებელი სიახლეები. ქართველ სიმბოლისტთა ეს დაჯგუფება მიზნად ისახავდა ქართული სიტყვის განახლებასა და ქართულ ნიადაგზე ევროპული სიმბოლიზმის დამკვიდრებას. მათი მთავარი ამოცანა იყო სამყაროსადმი სიმბოლისტური მიდგომა, ამიტომ ცდილობდნენ გაერღვიათ ხილული და შეემცენებინათ ნოუემენტების, ანუ მიღმიური სამყაროს არსი, რომელიც მიუწვდომელი იყო ჩვეულებრივ მოკვდავთათვის. მათ სწამდათ ხელოვნება, როგორც თავისთავადი ჭეშმარიტება, რომელიც შეასრულებდა ახალი ღმერთის მოვალეობას. ამავდროულად, ისინი დამოუკიდებელ საქართველოზე ოცნებობდნენ, რადგანაც მყარად იდგნენ ეროვნულ ნიადაგზე და ყოველგვარი პოეტური სიახლე თავიანთი ქვეყნის კულტურული განვითარებისთვის სურდათ, რაზედაც მეტყველებს „ცისფერყანწელთა“ ერთ-ერთი თეორეტიკოსის, ტიციან ტაბიძის სიტყვები: „აშკარაა წინა აზიაში ევროპა შემოაღებს კარებს და ამ დროს ჩვენ უნდა დავხვდეთ შეჭურვილი ეროვნული შემეცნებით, ეროვნული კულტურის ყველა ფოლაქებშეკრული, რომ იყოს მთავარი მორგვი, რომელზედაც მოეხვევა ახალი იდეები“ (ტაბიძე ტ. ჟ. „ცისფერი ყანწები“, 1916).

ქართველი სიმბოლისტების შემოქმედებითი გზის განსაზღვრა გარკვეულწილად ევროპაში განსწავლულმა და ევროპულ ფილოსოფოსთა სკოლას ნაზიარებმა გრიგოლ რობაქიძის ფაქტორმა განაპირობა. სწორედ რობაქიძის ლექციების ციკლის შემდეგ დაინტერესდნენ ქართველი სიმბოლისტები ნიცშეს მესიანიზმის ქადაგებით, რაც საინტერესოდ აისახა მათ შემოქმედებაში. ტიციან ტაბიძე, რომელიც გრიგოლ რობაქიძეს სიმბოლიზმის პირველ მოციქულსა და მოდერნიზმის „სახარების“ სიტყვიერად მქადაგებელს უწოდებდა, აღნიშნავდა: „გრიგოლ რობაქიძის აქაფებული სიტყვა, აღმაფრენი ფანტაზია, თვალისმომჭრელი სახეები ძვირფასი მოგონებაა ჩვენი ახალგაზრდობისა. პირველად იმან შეგვახედა იოჰანანის მოჭრილ თავს, პირველად იმან მოგვასმენინა ნიცშეს მწვალებელი სიტყვა“ (ტაბიძე ტ. „ცისფერი ყანწებით“).

გრიგოლ რობაქიძემ 1911 წ. 18 მაისს ქუთაისის ქართული თეატრის დარბაზში ჩაატარა ლექცია, სადაც გადმოსცა ნიცშეს ფილოსოფიის საკუთარი ინტერპრეტაცია. მისი აზრით, ნიცშემ მოახდინა შოპენჰაუერის ნირვანაში საიდუმლო ჭვრეტისა და დიონისური მუსიკით თრობის სინთეზი. სწორედ ამ ორი პრინციპის ურთიერთ- შეერთებით შედგა ნიცშეს ფილოსოფია. მისი ფილოსოფიის ძირითადი დებულებები

გადმოცემულია ერთ-ერთ უმთავრეს ფილოსოფიურ თხზულებაში „ასე ამბობდა ზარატუსტრა“ (წიგნი ყველასათვის და წიგნი არავისთვის), რომელმაც დიდი გავლენა იქონია შემდგომი თაობების მოაზროვნეებსა და მწერლებზე. თითქმის ყველა მოვალედ თვლიდა თავს გამოხმაურებოდა იმ კითხვებს, რომლებიც პირველად ნიცშემ დასვა. ღმერთის სიკვდილმა, ზეკაცის კულტმა და ანტიკური სამყაროთი დაინტერესებამ გულგრილი ვერ დატოვა ქართველი სიმბოლისტები.

საინტერესოა XX საუკუნის დასაწყისის მკვლევართა ნააზრევი, რომლებიც (კაპანელი, რობაქიძე, დანელია) ცდილობდნენ გაეაზრებინათ ქართული მსოფლმხედველობისა და იდეოლოგიის საკითხები ნიცშეს ფილოსოფიასთან კავშირში, ხოლო „ცისფერყანწელი“ ვალერიან გაფრინდაშვილი ნიცშეს აპოლონური და დიონისური პრინციპებით ახდენდა სხვადასხვა პოეტების შემოქმედების შეფასებას.

ნიცშეანური თეზისი „ღმერთი მკვდარია“ გამოხატავდა იმ სიღრმისეულ პროცესს, რომელიც კაცობრიობის სულიერ ცხოვრებაში ხდებოდა. ღმერთის სიკვდილი კი ნიშნავდა იმას, რომ ტრადიციულმა ქრისტიანულმა ღირებულებებმა დაკარგა თავისი ღვთიური ძალა და ადამიანი დარჩა თავისი თავის ანაბარა. ნიცშე მიიჩნევდა, ღმერთი ჩენაცვლებინა ახალ ძალას, - იგი აფუძნებდა ზეკაცის იდეას, რომელსაც უნდა დაეკავებინა ღმერთის ადგილი და გამხდარიყო ძალაუფლების სიმბოლო. ეს „ახალი ქრისტე“ იყო ხელოვნება, რომელიც პარიზში დაიბადა და მისი „ქადაგება“ მალე ყველგან გავრცელდა. რუსი სიმბოლისტი ანდრეი ბელი ამ საკითხს ასე განიხილავდა: „თავი რომ დაგვეღწია წყვდიადის ახალი ნაკადისაგან, ნიცშე მოგვიწოდებდა ახალი გმირობისაკენ. ის მოელოდა შემოქმედების ახალ ქმნილებებს, ახალ კერპებს, რომ მათი საშუალებით ებრძოლათ ადამიანებს წყვდიადთან“. სიმბოლისტებმა თითქოს ღმერთი „გადააკეთეს ხელოვნებად“, მათ ხელოვნება გახადეს რელიგიური გაღმერთების საგნად, თვითონ კი თავი მის მოციქულებად მიიჩნიეს. მესიანისტური იდეებია გამოხატული ტ. ტაბიძის სიტყვებში, რომელიც აღიშნავდა: „ახალი ქრისტეს ოთხი დავრჩით მახარობელი: პაოლო, გრიგოლ, ვალერიან, მე-იოანე“ (ტაბიძე ტ. „დროშა ქიმერიელთა“). იგი მიიჩნევდა, რომ ქართული აზროვნება ძირფესვიანად უნდა შეცვლილიყო, რაც მისი აზრით, ძველისა და ახლის სინთეზით უნდა მომხდარიყო: „საქართველოს ეროვნული აღდგომა უნდა იქნეს აღდგომა ლომის, ძველი ქართული იდეით“ (ტაბიძე ტ. „ცისფერი ყანწებით“, 1916). ქართულმა სიმბოლისტურმა სკოლამ თავისებურად

გარდასახა ნიცშეანური მესიანიზმი და ეროვნულ ხასიათს „მოარგო“.

ინტერესს იწვევს გიორგი ლეონიძის ესე „ქართული მესიანიზმი“, სადაც ავტორი ქართველი ერის განსაკუთრებულობასა და გამორჩეულობაზე საუბრობს: „ქალდეა. იბერია, ამ ძველ მასკებში ჩვენ დავკარგეთ ხორცი და ჩვენი სული დაეკიდა აფრიალებულ პერანგს (ქრისტეს წმ. კვართის სავანე არის მცხეთა).. მოვიდა რასის ხსნა, – ღვთისმშობელი: მტრედისფერი კალთებით დამდგარი საქართველოზე (საქართველო ღვთისმშობლის წილხვედრი ქვეყანაა), ამიტომ ქრისტიანობამ მოაშურა საქართველოს, როგორც კულტურულ ისტორიულ მემკვიდრეს....აზიელები ემახდნენ ქართველებს „ყველა ნათესავთა უმეტეს რჩეულს“, ხოლო ქართველ მეფეებს მესიის ნათესავებს. ბაგრატიონები შემოვიდნენ, როგორც მესიანიზმის კონკისტადორები, მათ სისხლში შემოჰყვათ გახურებული სახელი მესიის და ისინი აცხადებენ საქართველოს – მესიის მემკვიდრეთ“ (გაზ. „ბახტრიონი“ 1922, N2).

გრიგოლ რობაქიძის მინიატურაში „ლოტოსი“ ტროპული მეტყველების საშუალებით წარმოჩენილია ნიცშესეული მესიანური სულისკვეთება. ახალგაზრდა „სხივოსან პანში“ მეტაფორულად მესია მოაზრება, ხოლო „ლურჯთვალა აღმოსავლეთში“ – ღვთის- მშობლის წილხვედრი საქართველო. თეთრგულა ლოტოსი კი, – მარადიული ქალის, თამარის განზოგადებული სახეა: „ ლამაზია ეგვიპტის მთვარის ასული, ფარჩეულ სარეცელზე მიწოლილი გასცქერის ლურჯთვალა აღმოსავლეთის ნაღვლიან შუადღეს... მზე ცეცხლით ატყვევებს ყოველსა და მყუდრო მთვლემარე აღმურში სხივოსანი პანი იხადება“ (ქართული მინიატურული პროზა, თბ., 1992,131). ხოლო ესეში „თამარ“, ავტორი თამარის სახე-სიმბოლოს ასე განმარტავს: „როცა მზემ პირველად იხილა ნილოსი, ცეცხლის რგოლებით ეამბორა მის ათრთოლებულ ტანს; ნილოსის ტალღამ მზის კოცნა დაიჭირა და გაიშალა იგი კოცნა თეთრგულა ლოტოსად, თეთრგულა ლოტოსი – აი, ვინ არის თამარ, რომელიც ცოცხლობდა როგორც ლეგენდა – და ცოცხლობს კიდევ“ (რობაქიძე გრ. „ლოტოსი“ ქართული მინიატურული პროზა, თბ., 1992, 77-131).

მესიანური სულისკვეთებაა გაცხადებული გიორგი ლეონიძის მინიატურაში „თამარ“: „მთვარის ნაპერწკლებით და ოქროს ძაფებით შენს მზიურს სახეს შავ ნისლებში ვქარგავ, ჰოი, თამარ მე მიხარია რომ საქართველო შენი სახელით შეიმოსა; მე მიხარია, რომ შენ ედედოფლე მას – უკვდავი მშვენიერება და სიხარული! – და კვლავ თაყვანს გცემ,

თამარ, შენით ჰსუნთქავს საქართველო! გულს ვეღარ შემიზარავს ჩემ წინაშე აღმართული შავი აჩრდილი სიკვდილისა; უკვდავია ერი ჩემი, სანამ უკვდავობს თვალშუდგამი შენი სახე – უკვდავია, რადგანაც შენით უჭკნობ მშვენიერებას ეზიარა. ჰოი, თამარ!“ (ქართული მინიატურული პროზა, 1992, 204).

ასევე, აღსანიშნავია სანდრო ცირეკიძის მინიატურა „ლაია“, სადაც უხილავი სამყაროს წვდომა, ადამიანის შინაგანი და მიღმიური სამყაროა წარმოჩენილი, მასში შეიმჩნევა ნიცშესეული ხედვა დიონისურ საწყისებთან დაკავშირებით. ჩვენ კი, ლაია -აიაში მოვიაზრებთ ძველ კოლხიდას, რომელიც მუდმივად განიცდიდა დამპყრობელთა ტირანას, ხოლო ბაზარში-ამქვეყნიურ ამოებას: „ბაზრის ქუჩაზე ცხოვრობდა ლაია. მას ოქროს თმა ჰქონდა. ხშირია აღმოსავლეთში მზიანი დღე. ლაიას არ უყვარდა მზიანი დღე. ფირუზის ღამეებში შედიოდა ჭრაქით განათებულ ბაზრის მხიარულ ყავახანებში, ოქროს კავებს დაასველებდა წითელ ღვინოში, გეტერას რომ მიჰქონდა შეღებილ ტუჩებთან“ (ცირეკიძე ს. „ლაია“, ქართ. მინიატ. პროზა, 175). მინიატურაში გაცხადებულია, თუ როგორ თრგუნავს და იმორჩილებს სიწმინდეს ბოროტება, რომელსაც ბახუსისა და მოჩვენებითობის საბურველი ფარავს და როგორ ეჩვევა მონობაში მყოფი ადამიანი „სიამოვნების მიღებას“.

ს. კლდიაშვილის მინიატურაში „ექვიანი მგზავრობა შესაწირავით“ ღვთისგან განდგომის საფუძველი პიროვნული არსებობის წარმავლობაშია საძიებელი, სადაც იკვეთება ნიცშეანული მესიანიზმის ნიშნები: „მივიღებ, ღმერთო, დამშვიდებას, მაგრამ გამამხნევე მხდალი; რომ მაქვს სული, რომელიც იმგზავრებს შენსკენ, ავივლი გზაზე ცხრა ცას.... მჩატეა ჩემი ტვირთი ქვეყნიდან და არ გამიჭირდება შენი კიბის საფეხურზე მოსვლა. მომაქვს შესაწირავი: წმინდა სანთელი.. სატურნის სურნელება მიწაზე. მეშინია უფალო გაქრობის, და თუ არ ჩამოხვალ ჩემში, გადაგიდგები“ (კლდიაშვილი ს. ქართული მინიატურული პროზა 1990).

ქართველ სიმბოლისტთა მინიატურები ნათლად მეტყველებს, თუ რა დიდი გავლენა იქონია მათ შემოქმედებაზე ნიცშეს ფილოსოფიურმა შეხედულებამ, დეკადენსია გამოხატული ტიციან ტაბიძის მინიატურაში „მარტოობა“: „სადაც არ უნდა ვიყო, ყველგან, ყოველთვის მარტოობა ჩემი თანამგზავრია. როგორც მფარველი ანგელოზი, აღარ მშორდება, ნამდვილად კი დემონია, იჭვნეული სული, რადგან არ მაქვს მისგან მოსვენება... მითხარ, აჩრდილო – დიდხანს დარჩები კვლავ ჩემთან? არ მომშორდები?“ (ტაბიძე ტ. 1992, 188), – ეს სიტყვები თითქოს გოეთეს

„ფაუსტის“ მიძღვნის გამოძახილია: „ხილვანო ძველნო, ფერმიმქრალნო, კვლავ მეცხადებით, ოდესღაც ნათლივ დანახულნო ზმანების თვალთ“.

ნიცშესეულმა მესიანიზმმა უდავოდ იქონია გავლენა ქართულ სიმბოლისტურ მინიატურაზე. ქართველი სიმბოლისტების ეს ცდა რა თქმა უნდა ღირებულია და დასაფასებელი, ხოლო ქრისტიანული პოზიციიდან ჩვენი ხედვა ასეთია: ნიცშეანური მესიანიზმის ზეგავლენით, სიმბოლისტები შეეცადნენ თავიანთი შემოქმედებით ახალ სიმაღლეზე აეყვანათ ხელოვნება და გამოეკვეთათ ქართველი ერის ღვთიური დანიშნულება.

ქრისტიანული რელიგია თვალთ ხილულ, გრძნობად სამყაროს მიიჩნევს დროებით სამყოფელად, რომლის მიღმა არსებობდა „ზენა სოფელი“ ანუ ზეციური სამყარო. ადამიანის მისიაა მიწიურისა და ზეციურის შეკავშირება, რაც თავისებურად აისახა „ცისფერყანწელთა“ შემოქმედებაში. ცხადია, ქრისტიანობამ უდიდესი ძვრები მოიტანა კაცობრიობის სულიერი კულტურის განვითარებაში, დაიწყო ახალი ერა, დიადმა იდეალებმა გააერთიანა კაცთა მოდგმის უდიდესი ნაწილი და ამ ერთობას ადრეული საუკუნეებიდან შეუერთდა საქართველო. საკუთარი დანიშნულების ასეთი ხედვის მქონე ჩვენი ერი პატივს მიაგებს სხვა ერებს და გამოირჩევა ტოლერანტობითა და შემწყნარებლობით. ქრისტიანობამ აუწყა ადამიანებს, რომ სიკეთეა სამყაროს არსი, მაგრამ მიუხედავად ამისა, კაცობრიობას მაინც უჭირს გზის გაგნება დაკარგული ღვთაებრივი ხატისა და სულიერი სრულყოფისკენ.

მკვლევარ ერეკლე ტატიშვილის აზრით, მართალია, ნიცშე „პრაქტიკულად უცოდველია“, მაგრამ ის „ძე შეცდომილია“ და ამ ცოდვას მხოლოდ დიდი ტანჯვა თუ ჩამობანდა მის სულს. უკურნებელი სენი, უკანასკნელი წერტილი იყო, რომელმაც წაართვა ნიცშეს ყველაფერი: ამპარტავნებაც, აზროვნების უნარიც, საკუთარი "მეც" და აგემა ტანჯვა. ღმერთმა ცნობიერება გაუხლიჩა ნიცშეს, რომ მისი სული გადარჩენოდა წაწყმედას და მოეპოვებინა საუკუნო ნეტარება ცათა სასუფეველში.

გასათვალისწინებელია ის ფაქტი, რომ 1980 წელს ქალაქ რაიზენბურგში ჩატარდა მსოფლიო ნიცშელოგიის კონფერენცია, სადაც საბოლოოდ დასრულდა ჰაიდეგერისეული ინტერპრეტაციის გარშემო დისკუსია (რაც აგრესიული და უკიდურესი ფორმითაა წარმოჩენილი მის ნაშრომებში, თუმცა, მარტინ ჰაიდეგერი ნიცშეს უწოდებს ერთადერთ გერმანელ ფილოსოფოსს, რომელიც ღმერთს ეძებდა).

References:

- [1] ავალიანი ლალი - „ცისფერყანწელები“; „ლიტერატურული ძიებანი“, XXV, თბ., 2004;
- [2] დანელია ს. „ვაჟა და ქართველი ერი“ თბილისი, 1927;
- [3] ელიზბარ ელიზბარაშვილი “ნიცშე და საქართველო. რეალური ისტორია” 18 მაისი, 2007 წელი, წყარო: <http://comfortably.wordpress.com>, Posted by:burusi, 19/04/2014;
- [4] ფრიდრიხ ნიცშე – „ასე ამბობდა ზარატუსტრა“, ერ. ტატიშვილის თარგმანი, თ. ბუაჩიძის რედაქციით, 1993;
- [5] ჩხეიძე რ., „ქართული მინიატურული პროზა“, თბ. „ლომისი“ 1992, 131-133;
- [6] ხელაია მ. „ქართული ლიტერატურული ესე“, თბ. „მერანი“, 1986, 78;
- [7] ხურცია ნათია - „ ნიცშეანური ნაკადი გერმანულენოვან მოდერნისტულ ლიტერატურაში“; <http://litinstitutu>.

FOR ONE KIND OF HYPOTACTIC CONSTRUCTION
IN THE GEORGIAN LANGUAGE

*E. Pilashvili*¹

Keywords: Syntax, Biverbal predicate, Hypotaxis, Construction, Semantics.

In modern Georgian we often use sentences containing the structures like “*I want to give you*”, “*I want to go*”. For instance, “*I want to give you, my Gabriel, one nice book*” (Chavchavadze, 213, 22-23). A group of researchers (e.g. L. Kvachadze) regards this kind of sentence as a complex one. Others (e.g. N. Kotinov) think that such sentences are simple ones and calls the predicate like “(I) want to give (you)” biverbal predicate. “Biverbal or a predicate with two verbs is a widely spread syntactic construction in modern Georgian. e.g. “*I want to make it higher*”, the first component of which is usually a modal verb in Georgian (I want, I can). The both components have a common subject in the sentence” [Kotinov, 1986, 98]. “We cannot regard a biverbal construction as a complex sentence in modern Georgian” [Kotinov, 1986, 101].

We regard this kind of a sentence in the Georgian language to be a complex sentence without a conjunction and not a simple one.

Let us consider the examples:

1. “*I **want to give you**, my Gabriel, one nice book*” (Chavchavadze, 213, 22-23);

Shen, chemo Gabriel, ertikargitsignimindagachuqo.

2. “*He **wanted to find** something more to eat* (Vazha-Pshavela, 101, 3-4);

Kidevundoda, romshesachmeli ram epova.

3. “*And I **thought** that **I’d go** to Aghzevan for some salt* (Chavchavadze, 362, 2);

Me kimegona, aghzevansatscaval-metqimarilzed.

4. “*And I **thought** that you **wanted** something from me* (Chavchavadze, 207, 9);

Me kimegonachemgangindarame.

5. “*Rain **can shed** my leaves all at once* (Vazha-Pshavela, 34, 13-14);

Tsvimassheudzlian, ertbashadchamomacalospotlebi.

---

¹Elene Pilashvili, Assistant professor at Georgian Language and Literature Department, Faculty of the Humanities, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

Proceeding from the nature of the Georgian language, from the polypersonalism of a verb it is difficult to translate the Georgian sentences so as to show biverbal predicates in question. We have provided the adequate translation and also Georgian sentences in Latin transcription.

Our aim is to define what kind of a sentence it is according to its structure. It is obvious that it cannot be taken as a simple sentence as there are two predicates. And a simple sentence contains only one predicate.

In the Georgian sentence – “I **want to give you**, my Gabriel, one nice book”, the conjunction *that (rom)* is omitted between the two predicates. Yet, it can be easily restored. The corresponding complex sentences with restored conjunctions will look like the following:

1. “I **want to give you**, my Gabriel, one nice book” (Chavchavadzde, 213, 22-23);

Shen, chemo Gabriel, ertikargitsigniminda, romgachuqo (The change is not reflected in the English Translation).

2. He **wanted to find** something to eat (Vazha-Pshavela, 101, 3-4);

Kidevundoda, romshesachmeli ram epova (The change is not reflected in the English Translation).

3. And I **thought** that **I'd go** to Aghzevan for some salt (Chavchavadzde, 362, 2);

Me kimegona, romaghzevansatscaval-metqimarilzed.

4. And I **thought** that you **wanted** something from me (Chavchavadzde, 207, 9);

Me kimegona, romchemgangindarame.

5. Rain **can shed** my leaves all at once (Vazha-Pshavela, 34, 13-14);

Tsvimassheudzlian, romertbashadchamomacalospotlebi (The change is not reflected in the English Translation).

Now it is clear that these are sentences with hypotactic construction with the principal and the subordinate clauses.

The main clause is “The rain can”, and “shed my leaves all together” is the subordinate one.

“The interrelation between the parts of a complex sentence is similar to that of between the words that are linked with a subordinate order where one word is principal and the other is subordinate, explaining the principal one” [Kvachadze. 1996, 383].

In the above-given examples the linkage between the parts of a hypotactic structure is one-sided. That is why the parts of a complex sentence are not closely connected. This type of sentence is more independent in terms of logic, structure and semantics.

The parts of the hypotactic structure have a common word as well which is nominated in one part and is understood as the same or another member in the other part. For instance:

1. *And I **thoughtthat I'd go** to Aghzevan for some salt* (Chavchavadzde, 362, 2);

Me kimegona, romaghevansatscaval-metqimarilzed.

“Me” (“I”) of the Georgian sentence which is the object of the principal clause becomes the subject in the subordinate clause) unlike “I” of the English where it is the subject. “Me” is the common member of the two clauses.

Me kimegona (მეკიმეგონა) And I thought,

Me aghevansatscaval-metqimarilzed (მეაღზევანსაცნავალ-მეთქიმარილზედ)

I'd go to Aghzevan for some salt.

One part of these sentences belongs to a principal clause and the other to the subordinate which has the same syntactic function as a subordinate sentence with a conjunction.

“*And I thought I'd go to Aghzevan for some salt*”, in this sentence the second part of it “*I'd go to Aghzevan for some salt*” explains and specifies the general meaning of the subject of the principal clause “*And I thought*” which is expressed by a pronoun and provides it with precise content as a sentence with the conjunction “that” would do: *And I thought that I'd go to Aghzevan for some salt*”.

It is noteworthy that the structure of this kind of sentences is invariable. The subordinate clause is at the end and it is impossible to replace it. Usage of verb forms is regular to a great extent. As for the correlative word suggesting the existence of a certain subordinate clause which serves as explanatory and specifying, there is none of this kind in a subordinate clause. However, it can be easily restored. There may be a case when there is no correlative word either in principal or subordinate clause. Yet, either of them can be easily restored:

1. *“I **want to give you, my Gabriel, one nice book**”* (Chavchavadzde, 213, 22-23);

Shen, chemo Gabriel, ertikargitsignimindagachuqo.

(შენ, ჩემოგაბრიელ, ერთიკარგიწიგნიმინდაგაჩუქო);

*“**The thing is, my Gabriel, thatI want to give you one nice book**”;*

Shen, chemo Gabriel, mindais, romertikargi-cignimindagachuqo;

(შენ, ჩემოგაბრიელ, მინდაის, რომერთიკარგიწიგნიმინდაგაჩუქო).

2. *He **wanted to find** something to eat* (Vazha-Pshavela, 101, 3-4);

Kidevundodashesachmeli ram epova;
(კიდევუნდოდაშესაჩმელირამეპოვა);

The thing that he wanted was to find something to eat;
Kidevundoda is, romshesachmeli ram epova;
(კიდევუნდოდის, რომშესაჩმელირამეპოვა).

3. And I **thought I'd go** to Aghzevan for some salt
(Chavchavadzde, 362, 2);

Me *kimegona, aghzevansatscaval-metqimarilzed;*
(მეკიმეგონა, აღზევანსაცწავალ-მეთქიმარილზედ);

And I **thought about the fact that I would go** to Aghzevan for some salt;

Me *kimegona is, romaghzevanswaval-metqimarilzed;*
(მეკიმეგონაის, რომაღზევანსაცწავალ-მეთქიმარილზედ).

4. And I **thought you wanted** something from me
(Chavchavadzde, 207, 9);

Me *kimegona, chemgangindarame;*
(მემეგონა, ჩემგანგინდარამე);

And I **thought that you wanted** something from me;
Me *megona is, romchemgangindarame;*
(მემეგონაის, რომჩემგანგინდარამე).

5. Rain **can shed** my leaves all at once (Vazha-Pshavela, 34, 13-14);

Tsvimassheudzlianertbashadchamomacalospotlebi.
(წვიმასშეუძლიან, ერთბაშად ჩამომაცალოს ფოთლები);

Rain **can do a thing** such as **to shed** my leaves all at once;
Tsvimassheudzlian **is, romertbashadchamomacalospotlebi;**
(წვიმასშეუძლიანის, რომ ერთბაშად ჩამომაცალოს ფოთლები).

The above-said allows us to draw the following conclusion: this type of sentence can be considered as **a complex sentence, a hypotactic structure without a subordinating conjunction** in terms of logic, structure and semantics.

“A simple sentence is expressed with one word or the interlinked words. As for a complex sentence it consists of several simple sentences. This is the quality that marks the major difference between these two types of sentences” (Kvachadze, 1996, 348).

To sum up, monopredicate and polypredicate constructions differ from each other both functionally and structurally. And it is evident from the above-given analysis that the sentence in question

is not a simple sentence but a complex sentence without a conjunction.

References:

- [1] Chavchavadze, I. (1985): Complete Works: Poems, Verses, Short-stories, Letters. Volume IV, Publishing House "Nakaduli", Tbilisi.
- [2] Dzidziguri, Sh. (1973): Conjunctions in the Georgian Language. Tbilisi University Publishing House, Tbilisi.
- [3] Ertelishvili, P. (1962): For the History of Complex Sentence in the Georgian Language. Tbilisi University Publishing House, Tbilisi.
- [4] Geguchadze, L. (2005): The Question of Possible Relatedness of Grammar Tense Series and Tense Sequence in a Hypotactic Construction. Publishing House "Universal", Tbilisi.
- [5] Gogolashvili, G. (2010): The Georgian Verb. Publishing House "Meridiani", Tbilisi.
- [6] Kotinov, N. (1986): The Category of Mood and Several Other Issues of Syntax in Georgian. Publishing House "Ganatleba". Tbilisi.
- [7] Kvachadze, L. (1996): Syntax of the Modern Georgian Language. Publishing House "Rubikoni", Tbilisi.
- [8] Morphology of the Georgian (edited by G. Gogolashvili) (2011): Publishing House "Meridiani", Tbilisi.
- [9] Peiqrishvili, J. (1996): Syntax of the Georgian Language. Publishing Center "Stamba". Kutaisi.
- [10] Vazha-Pshavela (1964): Complete Works in Ten Volumes. Vol., V. Publishing House "Sabchota Saqartvelo". Tbilisi.

KARABAKH WAR REFLECTED IN LITERATURE

V. Ibrahimova¹*Abstract*

At the end of the last century, Karabakh war launched by Armenian aggressors has resulted in a tragedy in Khojaly, the loss of 20% of the ancient lands of Azerbaijani, thousands of refugees deprived of their homes. In this article author paid close attention to Kharabag War on a perspective of the works of both Azerbaijani and Armenian authors.

Keywords: Karabakh, war, literature, slaughter, Khojali.

The war in Nagorni Karabakh which started in the 1991 continuous up today. The attack of Armenian troops precipitated the entrance of the Azerbaijan into war, a conflict which profoundly changed our life, deprived our people of their motherland, killed children and woman, captured many people. More than 20% of our land was occupied by Armenians. The line between right and wrong is so clear, the war news reported to the people by a host of our correspondents, the writers' visits to the front was consequently suffused with patriotism. The writers especially in tune with the prevailing Azeri attitudes were Nasiman Yaqublu ("Khocali slaughter"). Feride Hijran ("There is plundering in Karabakh") and others described the events witnessed by many of them. Their dispatches about the war in general and about the Karabakh war in particular were widely syndicated. The dispatches showed a folksiness. It was not the first description of Armenian atrocities in our literature. It was M.S.Ordubadi who in his "Bloody years" described armenians killing babies and old men. A.Abbasov in his novel "Zengezur" wrote about brutalized dashnaks who forced revolutioner Vahan to struggle with Shahmardan to the back of whom they tied boiling samovar, they couldn't calm down watching this "performance" and decided to throw them to the deep precipice.

Khodjali Slaughter became one of the most terrible war epi-

---

¹Vusala Ibrahimova, Department of Foreign Languages, Ganja State University, Azerbaijan.

sodes in the history of our nation. This bloody slaughter became the main theme of our poetry and prose. I.Efendiyev's "The Ruler and his daughter", A.Abbasov's "Hail" (Torrent), M.Tchemenli's "Snake's molly" are most truthful. The sacrifices made by the Azerbaijan soldiers in combat were great. The nation was instantly united by the Armenian attack on Karabakh. The obvious unjustness of this war keeps the nation in a cooperative mood. But all these are nothing in comparison with the armenian writer Zori Balayan's book "Inspiration of our Spirit" where he wrote about his own participation in Khojali Slaughter (Karabakh region).

"When we entered the house after the invasion of Khojali we saw 13-year-old azeri child nailed to the window. In order to stop the child's crying Khachatur stuffed his mouth with his mother's cut breast. Then I peeled skin from his head, breast and stomach, I looked at the watch: turkish child 7 minutes later died of blood loss, my spirit inspired of joy. Then Khacatur cut into pieces dead turkish child's body and threw to the dogs of the same origin. In the evening we did the same with other three turkish children. As an armenian I fulfilled my mission. I knew that each armenian will be proud of my action" [1,89]. Another armenian now living in Livan – David Xerdiyan in his book "For the Cross" writes "proudly": "In Cooley morning we had to pass through the bog near Dashbulag above which we made bridge of dead men. I didn't want to go over the dead. Podpolkovnik Ohanyan gave the signal not be afraid. I stepped 9-11-year-old dead girl's breast and went on. My legs and trousers were in blood. So I passed pressing 1200 dead bodies". "On the 2nd of March armenian grup "Gaflan" piled 2000 dead Turkish bodies near Khojali to put them on fire. In the last trace I saw 10-year-old girl wounded on the head and arms. Watching attentively, I saw that she was breathing. In spite of cold, hunger and wounds she was still breathing. I will never forget the eyes of this child struggling with the death. Then Tigranyan took her ears and threw to the dead bodies poured over by petrol. Then they put them on fire. Yells and cries of assistance help entreaty were heard from the fire" [2]. All these proves the slaughter of Azeri peaceful people. Peculiar sounds of war. They clothe themselves in an unforgettable fierceness, just because born in danger and death. All these sounds, cries once heard in war are never forgotten.

References:

- [1] Balayan Zori. "Inspiration of our Spirit"
- [2] <[http: az. wikipedia. org/wiki/ivan](http://az.wikipedia.org/wiki/ivan)>
- [3] [http: az. Wikipedia. Org/wiki/az% C5%9E%99kil](http://az.Wikipedia.Org/wiki/az%20C5%9E%99kil): Massachusetts citation. Pdf>

THE ROLE OF CLASS STAFF IN IMPROVEMENT
OF LEARNING QUALITY

A. Guliyev¹, G. Kazimova²

Abstract

The article deals with adaptation problem of mutual relations of junior primary schoolchildren, learning activity and at the sametime, improvement of learning quality. Here is shown that normal adaptation to the psychological and intellectual development, success of learning activity and acquisition percentage of junior primeschool children. Upbringing-learning-education should be correlatedwith potential and skills of human being.

Keywords: adaptation, school staff, education, student.

Адаптация социальной среды к себе в сущности – это удовлетворения лишь потребностей и приспособления других к этому. Такая форма адаптации нацеливает на новаторское решение проблемы. Таким образом, постепенно образуется новая система норм и ценностей. Такая форма адаптации характерна знаменитым людям, обладающим силой воли, сильным характером. Такие люди выдвигают свои идеи, внушают их другим, умеют вести за собой других. Такая новаторская, творческая адаптация, в большинстве случаев, может быть полезно для больших групп, но для малых групп, педагогических коллективов она может оказаться малоэффективным.

В младшем школьном возрасте в процессе адаптации и привыкании школьников друг к другу имеет особую роль общения их со сверстниками и взрослыми. В процессе общения друг с другом они выражают свои субъективные мнения, мысли и планы на будущее. В отличие от дошкольников в этом возрасте выдвигается на передний план, не действия и предметная деятельность, а общения. Младшие школьники также умеют учитывать потребности, желания, настроения других и умеют делать созна-

---

¹Allahverdi Guliyev, Ph.D in pedagogy, assistant professor, Ganja State University, Azerbaijan.

²Gunay Kazimova, Doctor of Philosophy in Psychology, Senior Lecturer, Ganja State University, Azerbaijan.

тельный выбор. Это дает им возможность выбирать себе друга, товарища.

Воспитатели по разному подходят к проблеме адаптации личности в социальной среде, коллективу. М.М.Гасанов отмечая особую роль общения, показывает, в процессе коммуникативной деятельности каждый из сторон участвует как субъект и как личность (1), а Я.А.Коменский отмечает, что система отношений носит двойственный характер, одно из которых направлено к предметам другое к людям. Он считает, что находящиеся в единстве эти две системы отношений связаны с ведущим видом деятельности в разных возрастных периодах (2).

В педагогической литературе описываются факторы, которые негативно влияют на процесс адаптации младших школьников к школьной жизни. В их ряду перечисляются следующие: снижение успеваемости; специфика возрастного развития (смена ведущей деятельности); неспособность произвольно управлять своим поведением, вниманием, учебной работой; неумение приспособляться к школьной жизни (3).

В первый класс дети приходят из различных семей, с отличительными особенностями, способностями и уровнем подготовки. Объединение их в едином коллективе, восприятие и понимание друг друга и на этой основе адаптация к классному коллективу так же, дальнейшее развитие и формирование их личности во многом зависит от того как организуется их учебно-воспитательная работа. Учебная деятельность как ведущий вид деятельности занимает главное место в психологическом развитии и адаптации младших школьников к классному коллективу. Поэтому, изучение в единстве их учебной деятельности и взаимоотношений имеет важное значение. Отношение младших школьников к себе и другим формируется в процессе игровой, учебной и трудовой деятельности, которые имеют огромные воспитательные значения.

Я.А.Коменский отмечает, что специфические особенности детей формируются в деятельности. Под руководством учителей они активно включаются в жизнь коллектива, развивают свою познавательную деятельность, усиливают знание и социальные нормы. (4).

Учебная деятельность имеет широкие возможности в процессе адаптации учеников к классному коллективу. В процессе учебной деятельности ученики, усваивая научные знания также,

приобретают знания в сфере взаимоотношений и навыки совместной деятельности.

Практика показывает, что большинство учителей различия обучение и воспитание мало уделяют внимание воспитательной функции учебной деятельности. Последнее время уделяется большое внимание тому, что ученикам не следует давать готовых знаний, что обучение должно служить развитию мышления. А.А. Али-заде по этому поводу отмечает, что должно ориентироваться не к механической памяти, а логическому мышлению. Поэтому поводу он пишет: «Современная концепция об образовании оценивает эту проблему новыми мерками, заявляя её как одно из трех функций обучения и дает особое значение развитию теоретическому мышлению учеников. (5).

Практика показывает, что введение дискуссий, полемики в процессе обучения повышает культуру общения учеников. Это положительно влияет на психическое развитие учеников, и они учатся работать в коллективе. Проблема вхождения младших школьников в дискуссии и полемики, её влияние на их психическое развитие изучено недостаточно. Этот процесс должен находиться под руководством учителей. В младшем школьном возрасте, особенно в первом классе, ещё нельзя говорить о формирующемся коллективе, по тому, что они только начинают узнавать друг друга. Исследования показывают, что образования первого впечатления о других зависит и от объекта которого воспринимают и от психологической особенности субъекта, который воспринимает их.

Поведение младших школьников подчиняется ситуации деятельности. Так они ведут себя в соответствии с ситуацией, а это в свою очередь, создает условия для развития социальной установки.

Анализ педагогической литературы показывает, что в младшем школьном возрасте может различаться процесс восприятия и реальность. В большинстве случаев это зависит от ситуации и служит причиной неадекватному поведению. Негативное поведение их также, связано с наглядно-образным мышлением, который преобладает в этом возрасте.

Адаптация младших школьников педагогическому коллективу, учебной деятельности, сверстникам, школьной жизни зависит от сложных, взаимосвязанных друг с другом факторов. В зависимости от уровня адаптации к классному коллективу форми-

руются у них личностные качества, создаются для достижения успехов и терпения неудач. Здесь играет немаловажную роль семейное воспитание, отношение родителей к школе. Изучения особенностей взаимоотношений младших школьников со сверстниками имеет особое значение. Социальный статус в классном коллективе, отношения одноклассников к ним значительно влияют на формирование поведенческих мотивов в этом возрасте. Всё это позволяет сделать вывод о том, что есть прямая зависимость между статусом младших школьников в классном коллективе. И уровнем адаптации к нему. В этом возрасте учителя должны учесть наряду с индивидуальными особенностями, также уровень адаптации их к школьному коллективу. Задачей учителей является обеспечение адаптации, к классному коллективу учитывая этих особенностей, воспитывая коллективизм и младших школьников. Обобщая вышесказанное можно сделать такой вывод, что между направленностью личности, мотивом поведения и уровнем адаптации младших школьников к классному коллективу есть прямая зависимость. Учёт этих особенностей позволяет учителям формировать коллектив и повысить качества обучения.

References:

- [1] Али-заде А.А. Психологические проблемы современной Азербайджанской школы. Баку, 1989 г.
- [2] Ситаров В.А. Дидактика. М.: Академа, 2002.
- [3] Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика. М.: Академа, 2000.
- [4] Фельдштейн Д.И. Психология развития личности. М.,1998.
- [5] Общение и формирование личности школьников. Опыт экспериментального психологического исследования / Под редакцией А.А. Бодалева, Р.Л. Кричевского; Науч.-исслед. Инст-т общей и педагогической психологии Акад.пед.наук СССР. М.,1987

IMPLICIT METHODS FOR EXPRESSION
OF NEGATION IN MODERN RUSSIAN

*F. Agakishiyeva*¹

Abstract

In the article it is spoken about a means of negative implicit of modern Russian. It is mentioned that a means of negative explicit can not always make negatives. It is also shown in the article that negative implicit in modern Russian can be found out in the meanings of the words (e.g. refuse, deprive, abstain) and in the constructions (e.g. you understand so many things and so on). The author writes that negatives can be used openly in the words with positive meanings: these words are-have, used to say, it was very necessary and so on.

Keywords: negative implicit, negative explicit, emphatic ignorance, unreal modality.

Отрицание занимает особое место в традиционных и современных языковых и мыслительных категориях. В следствие многогранности понятия отрицания в языкознании сформировались многочисленные лингвистические направления, каждое из которых предлагает свое толкование категории отрицания и понимания его категориального содержания.

Отрицание может выражаться явным т.е. эксплицитным и не явным (скрытым, неявным) имплицитным способом.

Некоторые языковеды считают, что понятия утвердительности и отрицательности хотя и являются противоположными, но вместе с тем они взаимосвязаны, порождают друг друга, взаимно обусловлены. Т.е. отрицание определённого явления или факта может быть в то же время имплицитным утверждением о других явлениях или фактах. Например, отвечая на вопрос «Дождь идёт?» (или «Идёт дождь?») отрицательно: «Нет, дождь не идёт», участник коммуникации может тем самым намекнуть на наличие осадка вообще, в виде снега, ливня или града. [4]

---

¹Farida Agakishiyeva, Baku Eurasian University, Azerbaijan

Известно, что имплицитные средства выражения отрицания не имеют грамматического показателя и относятся к средствам выражения отрицания, исходя исключительно из семантики, к тому же толкование этих слов, выражений производится через отрицание.

Средства выражения отрицания в разных языках чрезвычайно разнообразны, в частности синтаксически специфицированы. Так, в современном русском языке предикатное отрицание может отличаться от отрицания при имени; разные видовременные формы глагола могут иметь разные отрицательные показатели и т.д. [8].

Если остановиться на имплицитном отрицании, то в современном русском языке в рассмотрение следует включить также имплицитное отрицание в составе значения слов (таких, как, например, отказаться, воздержаться, лишен) и конструкций (например, много ты понимаешь! или чтобы я стала с ним связываться! Так я и поверил!). Термин отрицательное предложение обычно применяется к предложению, содержащему отрицание при финитном глаголе или предактиве, поскольку именно такое отрицание чаще всего оказывает влияние на структуру предложения в целом. Однако отрицание в составе лексического значения слова тоже может иметь синтаксические рефлексии.

Рассматривая конструкции с имплицитным отрицанием, можно заметить, что в современном русском языке имеются разнообразные языковые средства выражения идеи о том, что данное утверждение надо понимать в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов-так сказать, иронически. Например,

Есть из-за чего расстраиваться! Нашел, о чем говорить (кого приглашать)! Стоило из-за него божью птицу губить! (Чехов); Охота была ему жениться! Очень нужно мне за ним следить! Нужны мне ваши деньги! Много ты понимаешь! Только этого не доставало! Тебя тут только не хватало! Хорош друг! Велика важность! Стану я пса кормить! (Тургенев) Стала бы я стараться, если бы знала! Будет он молчать! [5]

Как видно из приведенных примеров, употребление в отрицательном смысле закрепляется за словами, выражающими отчетливо положительный признак: такие слова, как есть, стоило, очень нужно, охота, много, хорош, велик, легче всего приобретают противоположный смысл «вовсе нет», «совершенно не стоило»,

«совсем не стоило», «совсем не нужно» и т.д. Слова стану, буду, выражающие твёрдое намерение, при экспрессии означают «совершенно не намерен».

Форма будущего времени у контактных глаголов дожидаться, поймать, догнать, выражающая возможность, в конвенционально-ироническом высказывании означает полную невозможность: От вас дожدهшься! Таких поймаешь! Тебя догонишь=/тебя не догонишь/= /тебя нельзя догнать/.

Имплицитное отрицание выражает также конструкция «так ... и»: Так он тебе и сказал (скажет)! Так я ему и поверил (поверю)! Так они и дали (дадут) тебе эту премию! Так я и пошел (пойду)! Так я вас и побоялась (побоюсь)!

Такие слова и выражения как как же, как бы ни так, черта с два, держи карман <шире>, нечего сказать, жди, дожидайся показывает, что предшествующее высказывание следует понимать в противоположном смысле: Поехала (поедет) она с тобой, дожидайся!

Один из способов выразить отрицательное суждение-риторический вопрос; он приблизительно равнозначен утверждению того предложения, которое получится, если вопросительное местоимение заменить на отрицательное (и, разумеется, добавить обязательное в русском языке не к сказуемому): Кто может объять необъятное? (К Прутков)='Никто не может объять необъятное'; И какой же русский не любит быстрой езды !(Мёртвые души)='всякий любит'.

На модели вопросительного предложения основан целый ряд конвенциональных способов выражения эмфатического отвержения высказывания собеседника:

а) Да кому он нужен? Ну что ему сделается? Да кто его презирает!

Высказывания этого типа выражают отрицательную реакцию на предшествующее высказывание, и этим они отличаются от риторических вопросов, которые не требуют диалогического контекста. Частица только в предложении (б), в отличии от предложений из (а), не может быть понято как обычный вопрос:

б) Зачем только держать на службе такую разгильдяйку? На базе вопросительного предложения строится оборот Откуда я знаю? который служит для выражения незнания в качестве ответной реакции. В (в) возникает модальность невозможности: (в) Откуда я возьму такие деньги? [5;6;3]

Конструкция с какой, какие служит для выражения возражения;

Какой он там ученый! Какие мы друзья! Какой же я посторонний! Какая уж там ирония! Какой тут отдых, когда дело столько? Какие там щи, если раков будем варить!

Значение недостижимости выражает конструкция «куда + датив»:

Куда тебе, заморышу, братья за такое дело! [7]

Куда ему людей тянуть, он сам еле тянется! [1]

-Вот хотела капусту посадить <...>, да куда мне, шов болит, голова кружится, того и гляди, в борозду сунусь! [2]

Конструкции из (г) выражают осуждение и сожаление:

(г) Охота же вам было жениться! Надо же было мне опоздать! Черт меня дернул ему возражать! Черт меня за язык тянул!

Отрицание может выражаться ирреальной модальностью:

Чтобы я стала еще с ним связываться!

Имплицитное отрицание входит в состав значения многочисленных оборотов:

А мне-то что? = 'мне до этого дело нет'; Ему-то что \='ему ничего плохого не будет'.

Отрицание вносится в подчиненную предикацию оборотом можно подумать:

Можно подумать, что ты этим довольна='я думаю, что на самом деле ты этим недовольна'

References:

- [1] В.Гроссман.Жизнь и судьба (1960)
- [2] Виктор Астафьев.Пролетный гусь (2000)
- [3] Падучева Е.В. Семантические исследования: «Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива». М.: Языки русской культуры,1996 г.
- [4] С.Абдуллаев «Немецкий аффирматический контекст», Издательство «XXI-YNЕ» ОАО «Типография Красный Восток». Баку 2004
- [5] Шмелев Д.Н. «Экспрессивно-иронические выражения и отрицательной оценки в современном русском языке» // Вопросы языкознания.1958. № 6.
- [6] Шведова Н.Ю. «Очерки по синтаксису русской разговорной речи, 1960.
- [7] Ю.К.Олеша. В цирке (1928)
- [8] Matti Miestamo Standard Negation. The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in Typological Perspective (Empirical Approaches to Language Typology 31). Berlin: Mouton de Gruyter.490). (2005).

THE CONCEPT «FRIENDSHIP» AND ITS REFLECTION
IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND UZBEK PROVERBS

*I. Rahimova*¹

Abstract

The article is devoted to the complex investigation of the concept “friendship” in comparative aspect on the material of three languages: Uzbek, Russian and English. The article analyzes and reveals similarities and differences in containing components of the concept “friendship” in Uzbek, Russian and English proverbs.

Keywords: concept “friendship”, ethnic character, mentality, lingual culture, lingual world view, national specifics, paremiological fund, personal relations.

The concept «friendship» is a national cultural ground created by basic mental notions of communication. It should be noticed that such concepts as “friendship”, “love”, “family”, “kindness”, “hospitality” and “cooperation” are considered as the main concepts of any lingual culture. The concept “friendship” is a complicated but very interesting object of investigation. Moreover, if it is investigated on the material of several languages, it becomes more actual and significant. The concept “friendship” includes such notions as mentality, morality, ethics, spiritual world, culture and communication. Together these peculiarities create the concept “friendship” [2, p. 21].

Investigation of the concept “friendship” is one of those which haven’t been totally studied. It conveys social, national, cultural information about language bearers. On the modern level of investigation this aspect becomes actual and necessary for deeper comprehension of the culture of a definite nation. Novelty of the article is vivid in comparative analysis of the concept “friendship” on the material of three languages: English, Russian and Uzbek. The material of research – proverbs of these three languages.

The object of investigation is lingual cultural concept “friendship” expressed by English, Russian and Uzbek proverbs. The sub-

---

¹Iroda Rahimova, English teacher, scientific researcher of Samarkand State Architectural-Constructional Institute, Uzbekistan.

ject of investigation became similarities and differences of the concept “friendship” in three analyzed languages.

The concept “friendship” reflects English, Russian, Uzbek lingual cultures as it is the complex of spiritual, moral and cultural peculiarities. The content of the concept “friendship” sometimes may be common in different languages. There is no any language which does not have the concept “friendship” as there is no any society where this concept doesn’t exist. Friendship exists in any society and it defines human behavior and his personal qualities.

There is a significant idea that “any language represents definite way of conceptualization of surrounding world” [1, p. 322]. The centre of attention is not the language itself but language as the means of human communication or language in activity.

Any person belongs to a definite nation or ethnic group. That means that any human as a part of his nation or ethnos, leaves his reflection in lingual and communicative behavior of the ethnos he belongs to. Lingual comprehension is divided into a number of fragments of reality, which are understood as concepts. E.S. Kubryakova presents the following explanation of concept: “Concept is an operative unit of memory, mental lexicon, conceptual system and language of brain, world view, and measure of knowledge” [3, p. 11].

The content of the concept “friendship” also includes philosophical notions. In the process of our investigation there were revealed some types of friendship: friendship for pleasure, friendship for use, friendship for mercy. These are the main types of friendship. In fact, there also exist other subtypes of friendship: friendship between fellows, girls, old people, spouses, members of family, relatives, neighbors, classmates, group mates, guests, etc.

The semantics of this concept reflects the mark, which characterizes personality of a definite ethnos. The most frequent friendship is friendship for mercy. This is explained by the fact that friendship originally aimed at helping, assisting and doing kindness. Unfortunately, in the modern stage of human society development another type of friendship – friendship for getting profit becomes more and more usual. This type of friendship points at human’s egoism.

In our investigation some proverbs about friendship have identical variants in all three analyzed languages. Semantic and structural content in them are totally similar:

Russian proverb: *Лучше честный враг, чем коварный друг.*
Its analogue is English Proverb *Better an open enemy than a false*

friend. Uzbek proverb *Дуст ачиниб айтади, душман кулиб* is semantically close to them but structurally is different. Such proverbs are called synonymic because they are similar in semantics but different in structure:

1) English proverb: *Among friends all things are common.*

Russian proverb: *Жить заодно, делиться пополам.*

Uzbek proverb: *Икки булак – бир бутун.*

2) English proverb: *A true friend is the best possession.*

Russian proverb: *Друг – ценный клад, недругу никто не рад.*

Uzbek proverb: *Яхши дуст бойликдан афзалроқ.*

3) English proverb: *In time of prosperity, friends will be plenty; in time of adversity, not one amongst twenty.*

Russian proverb: *Счастья не стало и друзей мало.*

Uzbek proverb: *Омад кетди, дустлар таркалди.*

4) English proverb: *Short (even) reckoning makes long friends.*

Russian proverb: *Будь друг, да без убытку.*

Uzbek proverb: *Дуст булсанг хам, хаддини бил.*

5) English proverb: *A broken friendship may be soldered, but will never be sound.*

Russian proverb: *Дружба – как стекло, ломаешь – не починишь (разобьешь – не склеишь).*

Uzbek proverb: *Синган дустлик хеч нарсага ярамайди.*

6) English proverb: *Old friends and old wine and old gold are the best.*

Russian proverb: *Одежда лучше новая, а друг – старый.*

Uzbek proverb: *Нарсанинг янгиси яхши, дустнинг – эскиси.*

7) English proverb: *A good friend is my nearest relation.*

Russian proverb: *Хороший друг, что брат.*

Uzbek proverb: *Яхши дуст – биродардан якин.*

8) English proverb: *Old friends and old wine are best.*

Russian proverb: *Старый друг лучше новых двух.*

Uzbek proverb: *Эски дуст янгисидан афзалроқ.*

Some proverbs about friendship do not have analogues in other languages due to national-cultural specifics. For instance, in the Uzbek language there are many proverbs considering friendship as one of the most sacred values in human society. For such friendship a person should do whatever he can. The following proverbs have no analogues in other languages:

Икки дуст бирдан кура яхши, учтаси ундан хам афзал.

Дустликда яшасанг, хеч емонлик курмайсан.

Бир маизни 40 киши еган.

In English proverbs about friendship a hint of freedom in friendly relations was revealed. Such proverbs were not found in Uzbek and Russian:

Friendship increases in visiting friends, but in visiting them seldom.

Little intermeddling makes good friends.

Friends are like fiddle-strings; they mustn't be screwed too tight.

In Russian proverbs there is intention to equality between friends:

Вяжись лычко с лычком, ремешок с ремешком.

И ты мне друг, и я тебе друг, да не оба вдруг.

Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты.

But in all three languages there is call for real and faithful friendship, call for help to a person in any difficult situation:

English proverb: *A friend in need is a friend indeed.*

Russian proverb: *Друг познается в беде.*

Uzbek proverb: *Хакикий дуст ёмон кунингда билинар.*

So, we can conclude that the concept «friendship» demonstrates communicative behavior of people of a definite society which has peculiar national cultural specifics characterizing this definite nation, ethnic group or lingual society.

References:

- [1] Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, 1995. 766 с.
- [2] Воркачев С.Г. Языковая личность и концепт как базовые категории лингвокультурологии // Ежегодные международные чтения памяти Н.С. Трубецкого 2000. Москва, 2000. С. 21-22.
- [3] Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы 2-й междунар. конф. Ч. 3. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 1999. С.6-13.

B&M Publishing

Philology, literatures and linguistics: research articles, B&M Publishing, San Francisco, California. 2016. 92 pp.

PQN 100

ISBN-10:1-941655-42-4

ISBN-13:978-1-941655-42-9